

Песочные часы

Автор:

[Майра МакЭнтайр](#)

Песочные часы

Майра МакЭнтайр

Песочные часы #1Стеклянные города (Рипол)

Всего один час, чтобы переписать прошлое...

Семнадцатилетняя Эмерсон Коул при свете дня видит то, что никогда не увидят другие: обморочные южные красавицы прошлого века, давно забытые погибшие солдаты и джазовое трио, которое уже много лет как не играет... Измученная призраками, которые преследуют ее после смерти родителей, девушка просто хочет обычной жизни. Она перепробовала все, но каждый раз видения возвращаются. Поэтому, когда заботливый брат Эмерсон нанимает для нее консультанта из организации «Песочные часы», девушка не верит, что он сможет ей помочь. Однако встреча с Майклом Вивером должна не только изменить ее будущее, она коснется и прошлого...

Кто он на самом деле – этот таинственный, темноволосый юноша, который верит ее видениям? Почему каждый раз, когда он рядом, между ними словно пробегают электрические разряды? И почему он так настойчиво утверждает, что ей нужна его помощь, чтобы предотвратить смерть, которая никогда не должна была случиться?

Атмосферный, таинственный и романтический одновременно, роман «Песочные часы» объединяет в себе все лучшее от жанров научной фантастики и паранормального романа. Соблазнительный и интригующий дебют!

Песочные часы М. МакЭнтайр

Copyright © 2011 Myra McEntire

This edition published by arrangement with The Waxman Literary Agency and The Van Lear Agency

© Перевод. Федорова Ю. Л., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Посвящается Этану – потому что он мой лучший друг и научил меня бросать страйки.

А также Эндрю и Чарли – смело идите к исполнению своей мечты. Это вполне реально!

Глава первая

Все, что у вас впереди, и все, что у вас позади, ничто в сравнении с тем, что у вас внутри.

Ральф Уолдо Эмерсон

Маленький южный городок, в котором я живу, обладает такой же призрачной красотой, как и немолодая дама, впервые выходящая в свет. Изящные черты, но подтяжка лица не помешала бы. Моего брата-архитектора можно назвать пластическим хирургом, который делает Айви Спрингс красивее.

Под неослабевающим ливнем, который так часто идет у нас в конце лета, я брела по направлению к дому, который он как раз недавно облагородил... в нем мы и жили. Меня такая погода не смущала. Я никуда не спешила. Возможно, мой братец и разбирается в фэншуй и аркбутанах, но знает ли он, что нужно мне? Да понятия не имеет.

Перед тем как я сбежала в спортзал, чтобы выплеснуть на беговой дорожке переполнявшее меня недовольство, мы с Томасом поругались по поводу приближавшегося последнего для меня года в школе. Я считала, что мне ее заканчивать необязательно. Но мой брат, придерживающийся консервативных взглядов, со мной не соглашался.

Добравшись до дома, я увидела, что вход мне перегородила красотка с Юга в голубом платье времен Гражданской войны. С шелковым зонтиком и в кринолине. Я как-то ходила в подобном костюме на маскарад. Но у нее все было настоящее. Снова вернулось плохое настроение, и причина его стояла прямо передо мной.

Вылитая Скарлетт О'Хара, будь она проклята.

Вздыхнув, я сунула руку прямо ей в живот и взялась за дверную ручку – никакого сопротивления плоти я не почувствовала. Девушка взволнованно глотнула ртом воздух, захлопала ресницами и исчезла. Я демонстративно закатила глаза:

– Знаешь, Скарлетт, Ретту было на тебя плевать, и мне, честно говоря, тоже.

Ветер с грохотом захлопнул за мной дверь, и на улице тут же раздался громкий раскат грома. Я поплелась вверх по лестнице в наш лофт – точнее сказать, это был склад, переделанный в жилое помещение, – и предстала перед братом: мои длинные мокрые волосы налипли на лицо, а с розового плаща стекала вода. Брат сидел за кухонным столом, а перед ним лежали громадные поэтажные планы здания.

– Эмерсон. – Здороваясь, Томас посмотрел на меня. Он свернул чертежи, потом снова развернул. Его полная надежды улыбка сильно походила на мою – результат трехлетней работы первоклассного ортодонта, – только я на этот раз в ответ не улыбнулась. – Рад, что ты вернулась.

Ну, хоть кто-то.

– Я уж думала, что придется ждать ковчега, чтобы доплыть.

Не сказав ни слова насчет мисс О'Хары, я стряхнула воду с плаща. На полу образовалась лужица, и брат недовольно поморщился. У него самого наверняка имелся зонтик, подходящий под цвет костюма. Бойскаут Томас, вечно ко всему готовый. Мне от этой части семейного генофонда ни капли не перепало.

У нас были одинаковые светлые волосы и зеленые глаза цвета мха, но Томасу достался прямоугольный подбородок отца, а у меня лицо получилось сердечком, как у мамы. Ему еще посчастливилось вырасти таким же высоким, как и отец. А меня в этом отделе обсчитали. Недодали по-крупному.

Томас, выжидая, снова и снова разглаживал чертежи, хотя в этом уже не было необходимости.

– Мне жаль... что мы сегодня поругались.

– Все нормально. Выбора-то у меня, похоже, нет. – Я смотрела не на брата, а в пол. – Либо идти в школу, либо меня упекут в колонию для малолетних.

– Эм... можем попробовать новое лекарство. Может, так будет легче вернуться.

– Никаких новых лекарств. – То есть вообще никаких лекарств. Только Томасу об этом неизвестно. Я скрывала от брата этот факт и чувствовала себя настолько виноватой, что чуть все не рассказала. Признание едва не сорвалось у меня с языка, так что я открыла холодильник и взяла бутылку воды, чтобы не смотреть на него. – Я справлюсь.

– У тебя хотя бы Лили есть.

Лили – моя единственная подруга детства, которая еще не перестала со мной общаться, и, возможно, единственный повод порадоваться тому, что пришлось вернуться домой из Аризоны, где последние два года я училась в частном пансионе. А потом я официально осталась без стипендии в связи с «сокращением дотаций», но у меня закралось подозрение, что владельцам

пансиона просто больше не хотелось держать у себя задаром оставшихся без родителей девочек, которые страдали галлюцинациями и доставляли всяческие неудобства одноклассникам. Деньги на мелкие расходы у меня имелись, потому что родители в свое время сделали целевой вклад на мое имя, но оплатить последний год обучения я не могла. Томас предлагал помочь, чтобы я могла доучиться в Седоне, но я отказалась. Не один раз и довольно категорично. Я согласилась с ним жить, потому что он был моим официальным опекуном, но вот деньги я у него брать решительно не хотела.

И вот я снова в Теннесси. Год я вытерплю даже в государственной школе.

– Я хотел еще кое о чем поговорить. – Томас снова разгладил чертежи. А я все ждала, что он сотрет чернила с бумаги. – Я... Я нашел еще одного специалиста. Он говорит, что сможет помочь.

Раз в несколько месяцев до Томаса доходят слухи об очередном умнике, который якобы может мне помочь. Потом все они оказывались маньяками или раздолбаями.

Я грохнула бутылкой по столу, скрестила на груди руки и смерила брата недовольным взглядом:

– Еще один?

– На этот раз все будет по-другому.

– И в прошлый раз все было по-другому.

Томас не сдавался:

– У него...

– Третий глаз на лбу?

– Эмерсон.

– Я в твоих специалистов особо не верю. – Я стояла на своем, еще крепче сжимая руки на груди, словно это могло защитить меня от усиленно навязываемой нежеланной помощи. – Ты наверняка берешь их телефоны с рекламных баннеров на эзотерических сайтах, на которых ты постоянно торчишь.

– Я так только... раза два делал. – Брат старался сдержать улыбку. Но не смог.

– А этого ты где подцепил? – Трудно было на него сердиться, ведь он искренне хотел помочь. – Он, поди, нарик бывший?

– Это сотрудник центра, который называется «Песочные часы». Его основатель работал на кафедре парапсихологии в Беннетском университете в Мемфисе.

– Которую прикрыли, потому что ее никто не хотел финансировать? Потрясно.

– А ты откуда знаешь? – удивленно спросил Томас.

Я бросила на него взгляд, который в вольном переводе означал: «Я уже школу заканчиваю. Знаю, как поисковиками пользоваться».

– У этого центра очень хорошая репутация, честно. Этот человек...

– Ладно, ладно... Можно мы покончим с этим разговором, если я скажу, что согласна с ним встретиться? – спросила я и манерно вскинула руки, показывая, что сдаюсь.

Томас знал, что победит. Ведь так было всегда.

– Эм, спасибо. Мной руководит лишь любовь к тебе. – Лицо брата стало серьезным. – Я действительно тебя люблю.

– Я знаю. – Это было правдой. И я, хоть и постоянно спорила с братом, тоже его любила. Но свои чувства мне демонстрировать не хотелось, так что я оглянулась в поисках своей невестки. – А жена твоя где?

В своем бизнесе Томас с Дрю были идеальной командой – их знания и навыки дополняли друг друга, как кусочки пазла. Я как-то видела, как Дрю орудовала

кувалдой, когда работу надо было сдать побыстрее. В результате у нее даже маникюр не пострадал.

– Она в ресторане, общается с новым шеф-поваром. Он хотел посоветоваться, какое вино сегодня лучше подать.

– Да, это она должна знать... – Дрю отличалась безупречным вкусом.

Запищал мобильник Томаса.

Завидев возможность сбежать, я бросила пустую бутылку из-под воды в ведро:

– Уже поздно. Мне надо душ принять.

Дверь за мной закрылась, и я вдохнула запах краски. Дрю недавно наложила новый слой красной венецианской штукатурки в гостиной. Уютные кожаные кресла с шелковыми коричневатыми подушками в тон паркета. Одна стена была полностью стеклянная, вдоль другой стояли полки с книгами в кожаных и мягких переплетах. Я провела пальцем по корешкам – мне страстно хотелось взять что-нибудь, устроиться поуютнее и почитать. Но не сегодня. Томас с Дрю переделали бывшее здание телеграфа в шикарный ресторан и решили не продавать его, а оставить себе. И через несколько часов должно было состояться торжественное открытие. Они настояли на том, чтобы я на нем присутствовала, вроде как заново хотели ввести меня в общество нашего городка.

У моего брата был особый талант – он мог заставить старые сломанные вещи сверкать. И я была более чем уверена, он надеялся, что сегодня этот фокус сработает и со мной.

Мы с Томасом сблизились, потеряв родителей четыре года назад, хотя, когда я росла, мы особо не дружили. Я вообще появилась неожиданно, почти через двадцать лет после него. Он не был готов нести ответственность за младшую сестру, и я изо всех сил старалась скрывать от него своих тараканов. Бог откликнулся на мои молитвы и дал мне стипендию. Я мечтала уехать из родного городка, подальше ото всех связанных с ним воспоминаний и старых зданий, которые реставрировал мой брат. И мне не очень нравилось положение, в котором я оказалась, оставшись без стипендии. В основном из-за «моих

сложностей».

– Здравствуй.

Незнакомый голос застал меня врасплох. Я резко развернулась и увидела, что у стеклянной стены стоит какой-то мужчина – он, похоже, чувствовал себя крайне уверенно и в то же время выглядел как-то не к месту. Он был невероятно красив, высокий и худой, в безупречном черном костюме. На лицо спадал локон светлых волос, но он не скрывал тонких черт лица незнакомца. Спрятав в карман брюк серебряные часы на цепочке, он убрал руки за спину.

– Я могу вам помочь? – Я изо всех сил старалась скрыть свою тревогу, но она все равно слышалась в голосе. Секунду назад этого человека еще не было.

– Меня зовут Джек.

Мужчина стоял на месте, оценивая меня взглядом ярких синих глаз. Я вздрогнула. И с ног до головы покрылась мурашками. Я изо всех сил надеялась, что это не новый специалист, которого нашел Томас. На мой взгляд, он производил довольно жуткое впечатление.

– Вы к моему брату?

– Нет, с твоим братом я не знаком. – Уголки губ незнакомца приподнялись в легкой улыбке, и у меня на миг замерло сердце. – Я пришел к тебе, Эмерсон.

Его костюм и часы, вероятно, не из нашего времени. Прическу же сложно отнести к какой-либо конкретной эпохе. Возможно, он – очередная галлюцинация, но если это так...

Откуда он знает, как меня зовут?

Глава вторая

Томас! – вскрикнула я, задыхаясь от волнения.

Я повернула голову, услышав, что на кухне упал стул. Грохот, казалось, длился целую вечность. Когда я снова повернулась к окну, Джек исчез. В комнату влетел обеспокоенный Томас.

– Почему, почему, почему? – спрашивала я, рухнув возле боковой стенки книжного шкафа и ударяясь о нее головой с каждым «почему?». – Почему ты только реконструируешь старые здания? Ты не можешь построить новое?

У Томаса от неожиданности отвисла челюсть.

– Это опять произошло? Прямо здесь?

Этот вопрос касался моей способности видеть тех... кого уже не было в живых.

Назвать их мертвецами было бы неверно. Я не совсем понимала, что именно я вижу, но ни в одном из многочисленных чужих рассказов о привидениях они не лопались как шарики и не исчезали, когда в них ткнешь пальцем. Это началось, когда мне было тринадцать лет, незадолго до того, как погибли родители. Томас реконструировал старый завод по производству стекла – задачей брата было превратить его в офисное здание.

Оказавшись там впервые, я завела приятную беседу с пожилым мужчиной в каске. От него пахло табаком и потом. Его мясистый нос был слегка скособочен, и его красный цвет свидетельствовал о том, что он любил кирнуть. Но старик оказался довольно милым, даже пригласил меня пообедать с ним. Я отказалась, но он настойчиво предлагал попробовать пирог, который жена положила ему в старенький контейнер.

И тут я заметила, что что-то было не так. Старик положил мне в руки какой-то кусок, и я поняла, что его еда не имеет веса. Мой новый знакомый пришел к точно такому же заключению обо мне – он уронил коробку, и пирог и развопился, словно дама, забывшая снять трусики с веревки перед приходом священника. А потом он исчез. Пшик!

Добро пожаловать в мир безумия, Эмерсон. После этого случая я частенько стала видеть людей – мертвых людей, – которые появлялись в самых неожиданных местах и исчезали, только когда я до них дотрагивалась. Я могла встретить их где угодно – и в кабинке туалета в забегаловке «Деннис», и в раздевалке в универмаге «Мэйсис», – но я к ним так и не привыкла.

– Господи, как тебе только удалось уговорить меня поселиться здесь? Я должна была бы подумать о том, что в таком старом здании просто не может быть безопасно. Этот человек знал, как меня зовут.

Такого раньше не бывало.

Томас напрягся:

– Он знал, как тебя зовут?

Я кивнула, закрывая глаза. К тому же Джек сказал, что пришел ко мне. Но Томасу это было знать не обязательно.

– Эм, я думал, что все уже давно прекратилось.

Частная школа, в которой я училась последние годы, располагалась в Седоне, Аризона. Поселенцы добрались туда только к началу прошлого века, и разница между гончаром из племени явапай и, скажем, моим учителем по физкультуре была очевидна.

Я считала, что мне стало лучше, но после событий того дня я начала сомневаться. Только в тех случаях, когда одежда была явно старомодной, удавалось догадаться, что человек – пришелец из прошлого, что он не стоит передо мной на самом деле – здесь и сейчас. Я уже стала специалистом по нарядам различных эпох, но не потому, что меня интересовала мода, а потому, что по этому признаку можно было распознавать людей. С женщинами дела обстояли проще, а вот классические мужские костюмы менялись довольно редко, исключение составляли лишь бабочки и голубые смокинги, которые носили в семидесятых годах прошлого века.

В музеи, где работники одевались в костюмы разных эпох, на маскарады и реконструкции исторических событий я старалась не ходить. Такого я вынести просто не могла. А еще я избегала физического контакта с людьми. Исключением были женщины в кринолине, которые стояли прямо у меня на пути.

- Прекратилось. По крайней мере, я так считала, - вздохнула я.

То есть так было до тех пор, пока я не спустила в унитаз таблетки.

Брату нелегко со мной пришлось. Я держала все свое горе в себе - и по поводу утраты родителей, и по поводу этих своих безумных видений, - а для душевного здоровья это оказалось не очень хорошо. В итоге меня увезли в больницу и прописали целый коктейль лекарств от моих «галлюцинаций» - который на время помог. Но прошлой зимой, когда мне окончательно надоело ходить все время зомбированной и жить как в тумане, я решилась на серьезный шаг и слезла с таблеток, никому не сказав.

Даже Томасу.

И видения потихоньку вернулись. Эм-зомби исчезла, но Эм - потенциальная психопатка все же не со всем справлялась. И теперь я снова была вынуждена задаваться вопросом, с настоящими ли людьми я разговариваю на улицах.

- Прости, Эм.

Я посмотрела на Томаса.

- Тебе не за что извиняться.

- Я же купил это здание. - Он свел брови так, что стало казаться, будто по его лбу ползет гусеница.

- Ну елки-палки, да, смени теперь работу, чтобы угодить своей чокнутой сестренке. - Я оттолкнулась от стены. - Как будто у тебя и без этого проблем из-за меня мало.

– Не говори так. Ты все же сможешь пойти на открытие ресторана? – спросил Томас, в его глазах явно читалось волнение. – Возьми Лили с собой.

Брат уже понял, что я чувствую себя виноватой, так что ему не стоило труда настоять на своем.

– Мы придем.

Чтобы ничего больше случайно не выкинуть, я пошла собираться к Лили.

Почти все ребята, с которыми я дружила в детстве, теперь избегали меня как наваждения. Это началось после одного случая, за который меня и упекли в больницу. Вкратце дело обстояло так: в школьной столовой у меня состоялся длительный разговор с одним мальчиком о том, как он, наглец, посмел занять мое место, пока я всего лишь за вилкой отошла. Я даже угрожала ткнуть ему этой вилкой в глаз.

Кроме меня, его никто не видел.

И если кого-то этот мой громкий спор с пустым местом в столовой еще не убедил в том, что я спятила, то после того, как я истерически расхохоталась, и у них не осталось никаких сомнений. Когда Лили обняла меня за талию и повела в туалет, смех перешел в рыдания.

Мы с ней были лучшими подругами с того самого дня, как познакомились в третьем классе. Она всегда принимала меня такой, какая я есть, что бы под этим ни подразумевалось. Когда я сказала Томасу, что только благодаря подруге мое возвращение в школу Айви Спрингс будет не таким страшным, я не преувеличивала.

Лили жила с бабушкой в квартирке, располагавшейся над их рестораном. Я вошла с черного хода. Я застала подругу в гостиной занимающейся пилатесом – она растягивала свои длинные ноги. Со стороны казалось, что это должно быть очень больно. Я же предпочитала бегать: наушники в уши – и вперед, смотришь в землю и стараешься не сбить с ног кого-нибудь. А еще спарринговаться. Надо было найти ближайший клуб по карате. Перед самым возвращением из Аризоны

я получила коричневый пояс, так что мне не терпелось продолжить тренировки, чтобы дойти и до черного. К тому же, когда поколотишь кого-нибудь, на душе сразу становится спокойнее.

- Слушай, - поинтересовалась я, когда подружка повернулась ко мне, - ты уже решила, что сегодня наденешь?

- Только не злись.

- Если ты хочешь сказать, что не пойдешь, то поздно. Я уже злюсь.

- Прошу тебя! - Она упала на колени и сложила руки, как сиротка, выпрашивающая кусок хлеба. - Меня позвали на ночную съемку. Надо отснять какую-то пещеру для веб-сайта.

Лили так же легко управляется с фотоаппаратом, как некоторые с тостером. Благодаря этому таланту ей удалось устроиться на лето помощницей одного из самых успешных фотографов-натуралистов в Аппалачах.

- Скажи же, что ты понимаешь, что я не сбежала бы, если бы у меня была возможность отказаться от этого задания без риска потерять работу.

Я закатила глаза:

- Я понимаю, что ты не сбежала бы, если бы у тебя была возможность отказаться от этого задания без риска потерять работу.

- Спасибо, дорогая. - Лили быстро поползла через всю комнату на коленях и обняла меня. - О, смотри-ка, так мы почти одного роста.

Я рассмеялась и подтолкнула ее обратно к коврику, а сама пошла в ее комнату и принялась раскладывать вещи - я положила на кровать подружки платье, которое меня заставила надеть невестка, туфли, сумочку и украшения. Дрю выдала мне конкретные указания насчет наряда. Иногда я из-за нее чувствовала себя так, будто сама не способна одеться. Я могу, просто я в этом отношении всегда была минималисткой. Все эти аксессуары меня смущают.

Пока Лили продолжала заниматься своими изощренными растяжками, я приняла душ, а потом села за ее компьютер, чтобы разузнать что-нибудь о «Песочных часах». Я всегда готовилась к встречам с многочисленными врачами, терапевтами и знахарями, которых приводил мой брат, но на этот раз я ничего не нашла, кроме многочисленных ссылок на магазины и одного особенно смутившего меня сайта стрип-клуба. На более тщательный поиск у меня времени не было – я понимала, что Томас меня убьет, если я опоздаю.

У Дрю и в самом деле был утонченный вкус. Черное вельветовое платье с рюшами на талии, рукава три четверти и короткая юбка, которая при ходьбе покачивалась, как колокольчик. Если только я смогу ходить в этих туфлях. Они были просто убийственные. Не в том смысле, что классно выглядели, хотя и это тоже. Но шпильки были очень высокие и острые, и хотя в целом с координацией у меня проблем нет, я полагала, что они вполне могут либо привести к моей смерти, либо нанести непоправимый вред кому-нибудь из окружающих.

Только я промокнула ярко-красную помаду на губах, в комнату вошла Лили: после тренировки она выглядела очень свеженькой, хотя если стоять по ветру, то пахло от нее отнюдь не свежестью.

– Ты выглядишь потрясающе и очень таинственно, – сказала она, втягивая щеки и хлопая ресницами, почти то же самое выражение лица я видела сегодня у Скарлетт. – Приятно видеть, что ты раскрыла свой потенциал.

– Ого, от тебя это серьезный комплимент.

Скосив глаза, Лили принялась поправлять мою прическу.

Лили – классическая красавица с кожей цвета карамели; мужчины, завидев ее, врезаются в рекламные стойки на улице и спотыкаются о стулья, потому что перестают смотреть под ноги. Не будь она так остроумна и предана мне, как сенбернар, я бы, наверное, ненавидела ее просто из принципа. Пока Лили укладывала и подкручивала мои локоны, я попыталась нащупать выбранное Дрю ожерелье – я была уверена, что уже надела его.

– Оно все еще лежит на комод, – подсказала Лили, не сводя с меня глаз. – А сережки – в коробочке на кровати.

Я резко оттолкнула ее руки:

– Почему ты всегда знаешь, где что лежит? Ты точно не можешь пойти со мной? Может, ты там с парнем своей мечты познакомишься.

– Такого, о каком я мечтаю, нет, – пробормотала подруга; она бросила взгляд на комод, а потом снова протянула руку, чтобы поправить еще одну капризную прядь. – А с остальными слишком много проблем.

– Если бы он и существовал, с таким ароматом у тебя не было бы шансов. Бегом в душ, – пошутила я, игриво шлепнув ее по попе. – Не хочу, чтобы и от меня потом разило.

Лили рассмеялась и нарочито поспешно выбежала из комнаты, но потом снова просунула в дверь голову и ослепительно улыбнулась:

– Ты правда прекрасно выглядишь. Постарайся только не упасть в этих туфлях.

Я повернулась к зеркалу, чтобы оценить конечный результат. Побрызгавшись любимыми духами – аромат сирени с ноткой ванили, – я схватила шаль и сумочку. Уже у двери я вспомнила про зонтик. Но он не подходил к платью. Может, меня и не впустят.

Глава третья

Нет, насколько мне не повезло!

Когда я вошла в «Телеграф», Дрю подняла вверх большие пальцы на обеих руках, а братец как-то мерзко присвистнул. Объяснив, что я пришла одна-одинешенька, я вежливо поздоровалась со всеми «значимыми людьми», которым представил меня Томас. Из-за слепящих блесков, бус и бриллиантов – носить их в таком количестве можно бы разрешить только особо важным персонам – я совершенно на запоминала лица. Как только представилась возможность, я спряталась за площадкой, на которой играл джаз-банд, под спиральной лестницей, располагавшейся за барной стойкой. Я потягивала какой-то

газированный фруктовый напиток и старалась слиться со стеной. И наблюдала за представлением.

Да еще и сняла эти убийственные туфли.

Я всегда была стеснительной девочкой, хотя до того момента, как я стала видеть людей из прошлого, назвать меня необщительной было нельзя. Не понимать, с настоящим ли человеком ты говоришь или с призраком, – довольно странное ощущение. Не знаешь, долго ли тебе осталось до нервного срыва. Когда призраки являлись довольно часто, я следила за окружающими: если на кого-то совсем никто не обращал внимания, я начинала подозревать, что его на самом деле и не было. Но конечно же мне часто становилось жаль этих людей, и я все же с ними разговаривала. Но только так, чтобы никто не видел.

На всякий случай.

Я давно уже приняла решение не трогать их, чтобы они не лопались, как воздушные шарики. Когда твоя рука, не встречая никакого сопротивления, проходит сквозь нечто, что только что казалось человеком... их это, похоже, пугало не меньше, чем меня. Так что я старалась призраков игнорировать, если только они не стояли прямо у меня на пути.

И в тот день все шло вроде бы нормально. Я уже почти расслабилась, но тут вдруг у ведущих во внутренний дворик дверей, расположенных в противоположном конце зала, увидела парня. Широкоплечего юношу в изысканном черном смокинге: костюм сидел отлично, но мне от этого было не легче. Я пробежалась по всем пунктам своего списка, проверяя, живой он или нет. Во-первых, одежда. По черному галстуку сложнее судить, чем по повседневной одежде. Не зря его называют классикой, а у этого парня вообще все было выдержано в классическом стиле.

Черные волосы, стрижка не слишком короткая – это тоже не о многом говорит. Ее можно назвать секси, но к конкретному стилю не отнесешь. Лицо. Он брился, но с утра уже появилась заметная щетина. Сильно выгнутые брови акцентировали внимание на темных глазах слегка навывкате. Судя по смуглой коже, у него имелись средиземноморские предки, а хорошо выраженные скулы выгодно подчеркивали черты его лица. Исключением были его полные губы. Они будили во мне беспокойные чувства.

Я очень надеялась, что он настоящий.

Тут я себя одернула. Что это я делаю? На губы же я обычно не смотрю. И вообще я никогда не таращусь на парней – даже на таких писанных красавчиков. Но если судить по появившейся на его лице ухмылочке, это все же случилось. Я снова влезла в свои туфли на высоченном каблуке и принялась искать взглядом Томаса с Дрю, но безуспешно.

Я снова посмотрела на парня в смокинге. Он направлялся прямо ко мне.

Пора бежать. Я протянула руку к пианино и поставила бокал: к моему огромному удивлению, он провалился сквозь инструмент и разбился – на полу засверкали тысячи крохотных бриллиантиков.

Немедленно материализовался мой брат:

– Ты в порядке?

– Нет. Хотя если ты тоже видишь джаз-банд...

– Не вижу.

– Тогда точно не в порядке.

Музыканты-призраки все играли. Я их трогать не пыталась – наверное, поэтому они и не испарялись.

Они. Сразу трое? Да еще и пианино? Декораций я раньше не видела. Я была не в состоянии вдохнуть.

– Мне нужно на воздух. На воздух!

– Простите нас. – Томас улыбался окружившим нас настоящим людям – любезный хозяин, помогающий сестренке, с которой случилась легкая истерика.

Он провел меня через всю залу к застекленной двери, выходящей на улицу. Это было ужасно. Я старалась делать вид, что не замечаю все эти провожавшие меня взгляды. Мы вышли во дворик, на улице после дождя похолодало, так что там никого не было.

Я набрала в легкие побольше воздуха, надеясь, что прилив адреналина поутихнет.

- Ты много старых зданий планируешь реконструировать? Чтобы я подготовилась.

Слава богу, я хоть не в Европе живу. Там же за века много мертвецов накопилось. А в Штатах пока всего несколько поколений людей, которых можно спутать с живыми. Когда Томас с Дрю захотели съездить в Северную Каролину на ежегодную ярмарку индейцев чероки, я отказалась наотрез. Никаких исторических реконструкций. Ни в коем случае.

- Невероятно, неужели все так серьезно? - спросил Томас, похлопывая меня по руке, чтобы успокоить.

Я лишь покачала головой. Сейчас не время признаваться насчет таблеток.

В том числе потому, что в раскрытых дверях показался тот самый парень в смокинге.

- Ты его видишь? - прошептала я, закрывая глаза руками и выглядывая в щелки между дрожащими пальцами - меня трясло от мысли, что музыканты могут оказаться не единственными видениями.

- Кого?

- Его. - Я подтолкнула Томаса, чтобы он оглянулся. Если парень в смокинге не живой, не настоящий человек, мне пора снова проситься в больницу.

- Его вижу, - с заметным облегчением ответил Томас. - Это Майкл.

- Что за Майкл?

– Это новый специалист, о котором я тебе рассказывал.

Глава четвертая

Чем ближе парень в смокинге приближался к нам, тем красивее он казался – высокий, широкоплечий, гладкая кожа, а эти губы... Сложно было поверить, что такой человек может работать в «Песочных часах». Я ожидала какого-нибудь пузатенького очкарика за пятьдесят. А такому прекрасному принцу среди крестьян нечего было делать. Да он и ненамного меня старше. Может, он всего лишь стажер. И согласился помочь Томасу задешево, потому что пока не представлял из себя ничего особенного.

– А ты собирался мне рассказать, что он здесь? – тихонько спросила я у брата, в моем голосе злость смешивалась с ужасом.

– Я хотел, чтобы он сначала за тобой понаблюдал.

– Как за каким-то редким зверьком? – прошипела я. – А где ж моя баночка?

Я уже чуть было не выпалила брату все, что я о нем думаю, но сдержалась, так как парень в смокинге стоял в полуметре от нас и смотрел на меня так, будто я могу внезапно вспыхнуть.

– Майкл Уивер, позвольте представить вам мою сестру, Эмерсон Коул. – Ладонь Томаса лежала у меня на спине, и он слегка подтолкнул меня вперед, считая, что мы с Майклом должны пожать друг другу руки.

Майкл перевел взгляд с Томаса на меня, потом нерешительно протянул руку. Вздвогнув, я отвернулась и уткнулась лицом брату в плечо. Хотя он и признал существование Майкла – значит, он точно был настоящим, – мне не хотелось до него дотрагиваться. Когда я снова повернулась к парню в смокинге, он уже убрал руку в карман.

Двери снова открылись – на этот раз это была Дрю. Я предположила, что брат был настолько занят подготовкой к открытию своего предприятия, что не рассказал ей о моей предыдущей галлюцинации. Я не хотела, чтобы она начала суетиться вокруг меня.

– Прости, я такая неловкая. – Я взмахнула рукой, как бы давая Дрю понять, что не стоит меня трогать, и этот жест помог мне скрыть нервную дрожь. – Ничего страшного, возвращайся к гостям.

Многие говорили, что голубые глаза Дрю похожи на лед, но я этого не понимала – лед же прозрачный. Сейчас в этих глазах читалось беспокойство.

– С координацией у тебя все в порядке, поэтому я и волнуюсь, – сказала Дрю, не обращая внимания на мои протесты, и положила руку мне на лоб, потом кисть скользнула по щеке. – Ты не заболела? Может, голова кружится? Хочешь поесть? Или присесть?

– Я себя прекрасно чувствую. Правда, – врала я, стиснув свои безупречные зубы.

Чего я хотела, так это убежать подальше от все еще игравшего джаз-банды и этого красавчика консультанта, стоявшего рядом. Я бы действительно предпочла, чтобы он больше походил на налогового инспектора, а не на модель. Меня это довольно сильно отвлекало.

– Ладно, Томас, лучше бы тебе, конечно, остаться с ней, но Брэд, человек из банка, хотел поговорить с тобой насчет того здания в Мейне. – Дрю так вскинула свои ухоженные брови, что стало ясно – это будет очень выгодная сделка. – А я побуду с Эмерсон.

По страдальческому лицу брата было видно, через какую внутреннюю борьбу ему приходится проходить. Я его отпустила:

– Иди. Да и ты, Дрю. Зарабатывайте.

– Нет, милая, я останусь с тобой. Хочу убедиться, что с тобой все в порядке. – Дрю обняла меня за талию.

– Да правда, Дрю. Иди. Со мной все в порядке, – настаивала я.

– Вы побудете с Эмерсон? – спросил Томас у Майкла таким серьезным голосом, словно речь шла о моем приданом. Или о покупке недвижимости. – Я не хочу, чтобы она оставалась одна.

Я метнула на Томаса недовольный взгляд. Ох уж он мне поплатится за это.

– Конечно, – ответил Майкл.

Услышав его голос, я подпрыгнула – каждая клеточка в моем теле пришла в состояние готовности. Он был густой и хриловатый. Наверняка он поет. Я снова заверила Томаса с Дрю, что у меня все хорошо, и они ушли, единственные знакомые мне люди среди толпы собравшихся. И мне страшно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте – где угодно, только не здесь... И желательно не в колониальном Вильямсбурге.

Я выдохнула весь воздух из легких, взглянула на Майкла и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, и у меня перехватило дыхание. Улыбка была сладкая как мед.

– Я не такого человека ожидала увидеть, – призналась я; мой голос досадно дрогнул на середине предложения.

– Такое мне уже говорили, – признался он и проявил себя с лучшей стороны, сделав вид, будто не заметил.

– Хорошо, что мы почти ровесники. – Я так на это надеюсь. – Так что сможем играть на равных.

– Я не думал, что это игра. – Майкл слегка сощурился. Наверное, уже задумался, достаточно ли ему за меня платят. – Как тебя называть, Эм или Эмерсон?

Я нахмурила брови. Не припоминалось, чтобы кто-то меня при нем называл «Эм».

– Пока пусть будет Эмерсон. А тебя как, Майкл или Майк? Или Майки?

– Я что, похож на человека, которого можно звать Майки? – спросил он.

– М-м-м... Нет.

– Пусть будет Майкл. Пока, – добавил он, плотно сжимая губы. Но не жеманно. Наоборот, выглядело очень соблазнительно – он старался скрыть улыбку.

Майкл вытянул руку и провел ладонью по остриям кованого забора, обрамляющего внутренний дворик, а потом повернулся ко мне, стряхивая с пальцев дождевую воду.

– Твой брат очень талантливый, – улыбнулся он. – Никогда не видел, чтобы кто-то столько сил тратил, чтобы вернуть зданию былую красоту. Это тоже его работа?

Из внутреннего дворика как с высоты птичьего полета открывался вид на городскую площадь, которую украшали удостоенные наград реставрированные дома. Окна лофтов почти всех трех- и четырехэтажных зданий светились приятным теплым светом, в них жили либо молодые профессионалы, либо пожилые пары, чьи дети уже разъехались, хотя иногда там можно было найти и обычную среднестатистическую семью. Улицы с разнообразными заведениями, антикварными магазинчиками, кофейнями и галереями освещались точными копиями старинных газовых ламп. В ящиках и кашпо соответственно времени года цвели яркие цветы. И хотя сейчас Айви Спрингс считался одним из десяти красивейших маленьких городков Америки, вообразить, каким он был лет сто назад, было весьма несложно, что представляло определенную проблему для меня.

Например, вон тот запряженный экипаж точно не мог быть настоящим.

В воздухе пахло дождем и душистым горошком, обвивавшим забор, зазвучали первые ноты «Заколдованных» Роджерса и Харта. Я отвернулась от площади, на которой кипела жизнь, и снова посмотрела на Майкла.

– Да, Томас ко всем этим домам руку приложил. У него совершенно особое видение. И он всегда тратит на это кучу денег... Хотя все его проекты все равно оказываются выгодными.

– А у тебя какое видение?

Хитренький! Вопрос прозвучал ненавязчиво, но за словами крылось нечто большее. Интересно, что Томас ему обо мне рассказал?

Я схватилась за забор, стараясь не касаться мокрого душистого горошка.

– Майкл Уивер, зачем вы вообще сюда явились?

– Помочь тебе.

На его лице появилось сочувствие, и меня оно порадовало. Этим он отличался других. Казалось, что он искренне хотел понять, в чем же заключается моя проблема. И мне чуть было не захотелось с ним поделиться.

Чуть было.

Но я вместо этого иронично улыбнулась. Я наклонилась вбок, держась рукой за забор, и принялась легонько покачиваться, как в детстве на столбе, на котором висели качели.

– «Помочь тебе». Какая избитая фраза.

– Ты часто ее слышишь?

– Посчитаем. Сначала были две сестры, которые уверяли, что могут видеть мое прошлое и будущее, и, по их словам, я потомок Маты Хари, который почему-то должен взойти на престол в Финляндии.

– В Финляндии нет...

– Я знаю.

– Ох! – Между бровями Майкла пролегла морщинка – он мне сочувствовал.

– Я требовала с Томаса компенсацию морального ущерба – и его кредитку, – чтобы пойти залечить раны в магазинах. Я как могла старалась его разорить. – Я ухмыльнулась, погрузившись в воспоминания, а Майкл улыбался со мной. Я чуть не забыла, о чем мы говорили. – Та-а-ак... Потом был некий шаман, уверявший, что из меня необходимо изгнать беса. Просто сказочный случай: он сказал, что сможет это сделать с помощью раскола с пеплом.

Майкл от удивления покачал головой:

– Где твой брат находит всех этих людей? Он же, несомненно, умный бизнесмен, почему он нанимал явных шарлатанов?

– От отчаяния? Последние годы я училась в Седоне, Аризона. Там недостатка в «духовных целителях» не было. Думаю, что слухи о моем обеспокоенном братце, готовом бросаться деньгами, лишь бы помочь своей тронутой сестренке, разлетелись довольно быстро. А традиционная медицина оказалась бессильна. Врачи могли лишь накачивать меня колесами до состояния овоща или предлагали полежать в клинике...

Я разжала руку и прикусила губу – я же чуть не проболталась Майклу, что лекарства вообще-то помогали. Я была зла на себя за то, что так разоткровенничалась. Если он такой же шарлатан, как и все остальные, может, ему станет стыдно, и он уйдет, не причинив мне никакого вреда.

– Печально, – сказал Майкл. Никакой жалости, только сочувствие. По его лицу все было хорошо видно, хотя, может, он просто отлично играл. Он напоминал старых голливудских актеров, очень походил, например, на Кэрри Гранта, хотя волосы были уложены не так аккуратно.

– А ты, Майкл, чем от них отличаешься? – поинтересовалась я, вдруг устав от нашей беседы. Я уже предвкушала, как он разочаруется. – Чего ты мне обещаешь?

– Я не буду давать обещаний, которые не смогу сдержать. – Решительный подбородок, уверенный голос.

– А образование у тебя какое? Забрался на высокую гору и встретился там с каким-нибудь гуру? – не отставала я. Я ожидала какой-то реакции. – У тебя был

внетелесный опыт, а теперь с тобой через зеркала и из луж говорят голоса?

– Послушай, я понимаю, что ты не склонна мне доверять, – он продолжал говорить тихо и ровно, но мне казалось, что чуточку я его все же рассердила, – но что, если я все же могу тебе помочь? Почему ты не хочешь дать мне такой шанс?

– А если я вообще думаю, что со мной все в порядке? – По крайней мере, Майкл, на мой взгляд, ничего не мог бы поправить.

– Я и не утверждал обратного.

– Предложение помощи подразумевает, что я в беде. А пока это не так.

– А десять минут назад, когда ты поставила бокал на несуществующее пианино?

– Это не беда. Это... – Меня как под дых ударили.

Он видел пианино.

Глава пятая

Я двинула ему в живот. А вот и кубики. Но даже несмотря на то, что Майкл оказался довольно мускулистым, он резко выдохнул и согнулся, обхватив себя руками.

– Прости, прости, – извинялась я, потрясая зудящей рукой. Мне показалось, что фонари на улице замигали, и я подумала о том, что, возможно, снова надвигается буря. – Мне надо было убедиться, что ты настоящий.

– А другого способа не было? – простонал Майкл.

Ему повезло, что я не пониже ударила. Сначала я хотела пнуть его ногой, но в последний момент вспомнила про свои убийственные туфли.

– Стрессовая реакция. – Я пожала плечами и снова разулась, пока мне не захотелось еще чего-нибудь натворить, и ощутила подошвами ног приятную прохладу бетона.

Майкл распрямылся и оценивающе посмотрел на меня сверху вниз.

Не знаю, нравилось ли ему то, что он видел. Сама я была удивлена тому, что мне не все равно.

– А почему тебя так вдруг обеспокоило, настоящий я или нет? Несколько минут назад ты отказалась пожать мне руку, хотя твой брат и сказал, что видит меня.

– Сегодня непростой день. Все вывернулось наизнанку и перевернулось с ног на голову.

– Наверное, так даже лучше. – Майкл так ухмыльнулся, что я задумалась о том, о чем же он подумал про себя. – Ну, расскажи, что у тебя сегодня случилось такого особенного?

– Целой группы людей я раньше никогда не видела, это во-первых. Это сбило меня с толку. Наверное, правила меняются.

– А в чем заключаются эти правила?

– Я вижу людей из прошлого. – На площади громко били часы, но я говорила тихо. – Они не материальны, скорее похожи на кинопроекцию, и исчезают, когда пытаешься до них дотронуться. И я твердо уверена, что трех человек сразу, да еще и с пианино, я раньше не видела.

Впрочем, как и запряженного лошаадьми экипажа.

– Но они хорошо играли. Бас был просто роскошный. – Майкл наклонил голову по направлению к дому – из открытых окон лилась музыка. – Да мне и до сих пор нравится.

– На тебя это, похоже, особого впечатления не производит. Раньше никто не видел и не слышал того же, что и я. Расскажи мне о себе, – попросила я, хотя и так все было ясно. Он такой же ненормальный, как и я.

– Скажем так, моя мама считала, что у меня много воображаемых друзей.

Я чуть подняла голову, чтобы получше рассмотреть лицо Майкла.

– Так это у тебя с детства?

Майкл кивнул.

– А у тебя?

– Началось четыре года назад. – После десятого удара часов стало очень тихо. Пора сменить тему. Отвлечь внимание. – Прости, что я тебя ударила.

– Прощаю. – Он подмигнул мне. – Думаю, с такой крошкой, как ты, я справлюсь.

Я прикусила язык. Так он и до шовинизма дойдет.

– Если я соглашусь принять твою помощь, как это будет выглядеть? Какие-нибудь... сеансы или типа того? Что ты со мной будешь делать? – Ого! Его глаза как-то опасно засветились. Я откашлялась. Надо бы повнимательнее подбирать выражения. – То есть для меня?

Майкл ответил, но огонь не погас.

– Для начала я бы хотел, чтобы ты рассказала мне о себе.

– Да, совсем несложный вопрос. – Как будто заново пережить все ужасные моменты моей жизни будет просто. И как будто я готова была раскрываться перед чужим человеком.

Шея у меня напряглась, и я попыталась ее растереть.

– Эмерсон. – Мне так понравилось, как в его устах прозвучало мое имя. А может, мне просто приятно было смотреть на его губы. – Я понимаю, что это будет непросто, но я хочу, чтобы ты была со мной честна. Ты можешь мне доверять.

Видимо, он не слышал правила «никогда не доверяй человеку, который говорит, что ты можешь ему доверять».

– Посмотрим, как пойдет. Когда начнем? – поинтересовалась я.

– Может, завтра?

Слишком быстро.

На следующее утро я надела свои любимые джинсы и черную обтягивающую футболку с черными кедами – так мне было удобно, – и я почувствовала себя увереннее. Эта одежда придавала мне мужества. Скрутив волосы и забрав их наверх, я выпустила несколько прядей, выгоревших на солнце, чтобы казаться светлее. Накрасилась я тщательнее обычного, выгодно подчеркнув свою чистую кожу. И все это ради завтрака с Майклом.

Хм.

Я медленно прошлась по центру городка, наслаждаясь тишиной. Влажность была еще не очень высокой, и в воздухе после вчерашнего дождя уже чувствовался едва заметный запах приближающейся осени. Я до жути обожала опавшие листья, сено, пугала и в особенности Хеллоуин. Если и так постоянно видишь призраков, этот праздник для тебя лишь повод наесться конфет и посмотреть на вырезанные из тыкв головы, главное, сидеть дома и открывать детишкам дверь. Призраки в дверь никогда не звонили, так что я смотрела мультики про Чарли Брауна по телику и поедала свои тайные запасы лакричных конфет.

Мы с Майклом договорились встретиться в «Законе Мерфи» – это одновременно кофейня, кафе и книжный магазин, принадлежавшие бабушке Лили. Эта женщина, во-первых, святая, а во-вторых, просто гениально варит кубинский эспрессо и делает такие яблочные эмпанадас, что даже монашки забывают, что обжорство – это грех. Недостаток у этого места был только один.

Когда я предложила Майклу встретиться именно там, я была страшно взволнована и не подумала о том, что в кафе может появиться Лили. Но я столкнулась с ней на улице, она куда-то спешила, так что я поняла, что мне не придется ей что-то плести. На плече у нее висела сумка с фотоаппаратом.

– Лили! Как прошла съемка?

Она повернулась ко мне лицом и пошла задом:

– Недурно. Но там были летучие мыши, о которых босс меня не предупредил. Да еще и съемочная группа. Но на меня только ассистент видеорежиссера запал.

– Ого, всего один? Ты, похоже, теряешь свою привлекательность.

Иногда к фотографу, с которым работала Лили, присоединялись люди, снимавшие документальные фильмы. Она рассказывала, что они любили качать права больше, чем вся английская монархия вместе взятая. И почти все они считали, что имеют право на нее.

– Теряю привлекательность? Ох, надеюсь. – Она порылась в сумке с фотоаппаратом, достала огромный черничный маффин, завернутый в салфетку, и откусила кусочек.

– Ты куда-то спешишь? – поинтересовалась я, стараясь говорить как можно беззаботнее. Наклонив голову, я указала на сумку: – Снова снимать?

– Слить вчерашнее, может, слегка отфотожопить. – Лили остановилась и посмотрела на меня. Она широко раскрыла глаза и рот, продемонстрировав мне пожеванный мякиш. – Смотрите-ка, только утро, а она уже вся такая сексапильная. Куда направляешься? И как прошла вечеринка?

Я задумалась о том, стоит ли рассказывать ей о Майкле. Утаить от нее часть истории не получилось бы, а о моих... видениях Лили почти ничего не знала.

– Да просто прогуливаюсь. И ничего интересного ты не пропустила. – Кроме джаз-банда, разбитого бокала и самого невероятного красавца на свете. – Иди. Я тебе потом позвоню.

Лили подняла руку с маффином и посмотрела на часы. Она ненавидела опаздывать, но по ее лицу я видела, что у нее еще остались вопросы. Я изо всех сил надеялась, что благовоспитанность победит любопытство.

– Не забудь смотри, – крикнула она через плечо, сворачивая в переулок, ведущий в студию.

Пронесло.

Подойдя к кофейне, я положила ладонь на живот, чтобы унять порхавших внутри бабочек. Я толком не понимала, волнуясь ли я из-за темы предстоящей беседы или из-за самого собеседника. Я открыла дверь, зазвенел колокольчик, и я глубоко вдохнула, чтобы насладиться ароматом заваривающегося кофе. И немного успокоиться.

Майкл сидел в глубине кофейни и читал газету, по-моему, на испанском. Сделав заказ, я направилась к нему, сунула рюкзак под стол и отодвинула стул. Со вчера он не брился и был одет так же, почти как и я, в черной футболке и поношенных джинсах. Я отметила, насколько все на нем хорошо сидит. Он весь состоял из мускулов.

– Ты правда это читаешь или просто выпендриваешься? – спросила я и села.

Он посмотрел на меня поверх газеты, раскрыл рот и произнес тираду на иностранном языке.

– Извини, я просто так спросила. Погоди, или это все было матом?

Майкл рассмеялся, демонстрируя ровные белые зубы. Смех звучал приятно, естественно – наверное, он часто смеялся. Жаль, я так не умею. И снова, как и вчера, его улыбка отвлекла меня.

– Что это за язык?

– Итальянский.

– Откуда ты его знаешь?

– Бабушка научила. – Майкл положил газету, наклонился ко мне, и я увидела, что он вдруг напрягся. – Чего ты хочешь?

– Я уже заказала эспрессо, – ответила я, рефлекторно отодвигаясь.

– Нет, я имею в виду от жизни?

– И тебя с добрым утром. Не рановато ли для философствований? – Я убрала с лица непослушную прядь волос и принялась ерзать на стуле.

– Чем тебе не нравится этот вопрос?

– Я не рассказываю о своих глубинных желаниях непонятно кому. – Официантка принесла мне кофе и эмпанадас. Когда она отошла, я продолжила: – Тебя я, конечно, уже не первый раз вижу, но все равно мы познакомились только вчера.

– Не такой уж я непонятный. – И снова отвлекающая белоснежная улыбка. – Давай начнем с вопроса попроще. Чего ты хочешь от сегодняшнего дня?

Я обхватила руками чашку, подула, и пар от кофе поднялся к лицу. Может, он подумает, что мне просто... жарко... и не заметит, что я покраснела.

Казалось, что Майкл до скончания века может ждать моего ответа, это выглядело так искренне, что я смутилась. Бабочки в животе танцевали. К полной откровенности я еще не была готова. Может, никогда и не буду. Лгать я не очень хорошо умела. Но вот скрывать...

В этом я была профессионалом.

– Может, ты мне о себе расскажешь? Мне наверняка будет спокойнее, если я получше тебя узнаю.

С этим он поспорить не сможет. И мне действительно хотелось узнать о нем больше. Намного больше.

Майкл положил руки на стол. Длинные пальцы, ногти пострижены, но на правой руке они были длиннее, и я предположила, что он, возможно, играет на гитаре. На большом пальце левой руки он носил серебряное кольцо.

– У меня есть сестра, ее зовут Анна София. Мама работает в сфере недвижимости, с историческими зданиями топ-класса, она добилась большого успеха, как и Томас. Я ей восхищаюсь. Отец исчез, когда мне было лет восемь. – Майкл еле заметно улыбнулся. Мне хотелось бы услышать продолжение. – Я вырос в пригороде Атланты, в «Песочных часах» работаю уже почти год.

В Интернете я о них ничего не нашла, но в голове у меня зародился образ: Марлон Брандо сидит в подсобке итальянского ресторана, в дыму сигар и с двумя вооруженными до зубов мужиками, Паули и Вито, по бокам. Но мне хотелось бы иметь более четкое представление. Или хотя бы не такое страшное.

– А чем в этих «Песочных часах» занимаются? – спросила я.

– Консультируют, наставляют.

– Как ты на них вышел? Или это они вышли на тебя?

– Они меня нашли. Мне дали наставника, который помог мне изучить свои возможности. В прошлом году я поступил тут в колледж и начал потихоньку консультировать сам. Беседовал с детьми, у которых не было друзей, собирал всякую информацию и все такое. А потом все изменилось. Когда мой наставник умер... – Майкл сделал паузу, глубоко вдохнув, – мне захотелось взять на себя более серьезную ответственность. Вернуть людям то, что я получил от него.

В глазах и изгибе губ читалась боль и что-то еще – возможно, злоба. О том, какие эмоции бушевали у него в душе, оставалось только догадываться.

– Мне жаль, что ты потерял друга.

– Жизнь – это потери и приобретения, – ответил Майкл, и я заметила, что боль взяла верх над злобой. – Ты это знаешь, как никто другой.

Потерь в моей жизни был переизбыток.

– А со мной ты что будешь делать? Консультировать или наставлять?

– Отчасти моя работа заключается в том, что я беседую с людьми, которым нелегко принять себя такими, какие они есть. Слушаю их. – Он пожал плечами.

– Как слушаешь меня.

– С тобой все иначе.

– Да?

– Ага. – Он ухмыльнулся, и у меня в животе смерчем закружились бабочки. – Тебя бы я все равно слушал.

Я снова опустила лицо в крошечную чашку. Отпив еще глоточек, я спросила:

– Так ты уже в колледже учишься?

– Перешел на второй курс. А ты?

– Мне остался год в школе, и Томас хочет записать меня в местную. Вообще-то, мне надо доучиться всего семестр, потому что последние два года я занималась без летних каникул. Я на самом деле хотела бы просто сдать экзамены и покончить с этим. Но Томас этого не допустит. – Я засмеялась, но как-то безрадостно. Меньше всего мне хотелось возвращаться в то место, где у меня сорвало крышу прямо на публике. – А жаль. Мне надо бы отдохнуть.

– Я тоже думаю, что если кто и заслужил отдых, так это ты, – понимающе улыбнулся Майкл. – Может, вы с Томасом сможете совместно найти какую-то альтернативу школе.

– Возможно. – Но вряд ли. – Ладно, я постараюсь исправиться поскорее. Чтобы ты мог вернуться к пиву, футболу и студенткам-активисткам.

– Я не пью, профессионально интересуюсь бейсболом, а активистки не в моем вкусе.

Их это наверняка очень расстраивает.

– И кстати, Эмерсон, – сказал Майкл, положив на стол руки и посмотрев мне в глаза. – Чтобы ты знала... С тобой все в порядке.

Мне тяжело было переносить такую близость и столько эмоций сразу, и я отвернулась.

– Спасибо за вотум доверия. Но я не согласна. Ты только не обижайся.

Он вздохнул:

– Я так понимаю, у тебя много вопросов. Так задавай их.

Затормозив, я принялась крутить салфетку под столом. Майкл видел то же самое, что и я, но относился к этому спокойно. Он казался очень уравновешенным, мог утешить. Когда я с ним говорила, у меня как-то меньше сдавливало грудь. Мне хотелось ему доверять. Хотелось расспросить его. Мне хотелось знать, почему он все иначе воспринимает, – это было очевидно.

– Расскажи о своем первом столкновении с призраком, – тихо попросила я.

– Моя мама нашла дом в районе Пичтри в Атланте. Времен Гражданской войны.

Я чуть не ахнула, вспоминая свою вчерашнюю встречу со Скарлетт. Вскоре после того, как у меня начались видения, мне пришлось поехать на реконструкцию военных событий Гражданской войны, у нас на Юге они часто организовываются. И я все разобрать не могла, кто там живой, а кто мертвый. Я потом неделю не выходила из своей комнаты.

– Эти видения... Что это такое? – Я посмотрела ему в глаза. – Не знаю почему, но я никогда не думала, что это привидения. Но что это такое, я не знаю. А ты?

Майкл наклонился ко мне:

– Я их называю временной рябью или просто рябчиками. Они – как временные оттиски людей, которые играли значимую роль и при жизни. Это простенькое

определение.

– А это не то же самое, что привидения?

– Все немного сложнее.

– Расскажи.

– Объяснить сложно, – ответил Майкл. Он нахмурился и забарабанил пальцами по столу. – Это научные вопросы, но я с радостью...

Я вскинула руку:

– Нет уж, спасибо. Я просто поверю тебе на слово. Пока.

Я задумалась о данном им определении. И тут же вспомнила мужчину, которого видела вчера. Уверена, что он был неординарным человеком.

– Временная рябь. По крайней мере, понятно, почему они все из прошлого. Вроде есть какой-то смысл, насколько он вообще возможен в таком безумии. Извини.

– Не надо извиняться. – Майкл снова нахмурился. – Говори, о чем думаешь.

– Уж на этот счет не беспокойся. – Я сурово посмотрела на него. – Почти все, что я говорю, чистая правда. Фильтр у меня сломан.

– Хорошо. – Майкл откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и вытянул под столом свои длинные ноги. Рядом с моими крохотными кедами его черные байкерские сапоги казались просто огромными. – Я большой любитель правды. Мне не нравится, когда что-то скрывают.

А я скрывать умею.

– Кто знает правду о тебе? – спросила я.

– Семья, «Песочные часы». – Майкл откашлялся и покрутил кольцо на пальце. – Несколько хороших друзей. Избранные.

Мне стало интересно, есть ли среди избранных и его девушка. Я хотела поинтересоваться, но решила, что в личные дела, наверное, лезть не стоит.

– Это было трудно? Рассказывать о том, что мы видим?

– Не особенно. У некоторых из этих людей тоже есть свои особенности.

– Как и у нас? – Мне нравилось говорить о нас во множественном числе. И меня пугало мое настойчивое желание, чтобы это множественное число не включало больше никого.

– Нет.

– Значит, есть и другие люди, которые... могут... что-то особенное?

– Их больше, чем ты можешь себе представить, – ответил Майкл, пристально глядя на меня.

– Хм. – Я принялась обдумывать услышанное, сосредоточившись на эмпанадас.

Майкл, видимо, не хотел меня беспокоить и вернулся к газете.

Когда я начала видеть это... эту рябь, я стала как ходячий паноптикум. А потом – как осиротелый ходячий паноптикум. Бывает, что дети теряют родителей, какое-то время они страдают, а потом приходят в норму. А я так и не пришла. Я даже не выныривала на поверхность, чтобы набрать воздуха, пока не попала в больницу, в отделение интенсивной терапии, где меня стали накачивать термоядерными лекарствами.

А теперь напротив меня сидел Майкл, вполне себе нормальный, и заявлял, что он такой же, как я. И уверял в том, что существуют и другие «неординарные» личности. Мысль о том, что на свете есть люди с особенными способностями и что я смогу с ними общаться, меня одновременно пугала и успокаивала. Я даже была не против, чтобы с одним из них у меня сложились тесные отношения, а он

сидел и бросал на меня взгляды поверх газеты. Я была почти уверена – он меня оценивал.

Но, возможно, Майкл просто ждал, когда у меня сорвет крышу, поскольку хотел быть к этому готовым.

– Ладно. – Я прервала наше молчание. – Что я должна делать?

– Мы возвращаемся к вопросу, который задал я. – Майкл сложил газету пополам и положил ее на стол. – Чего ты хочешь?

– Я хочу быть как все, но я понимаю, что это невозможно.

– Необходимость быть как все преувеличена.

Как же сладко он улыбается!

– Ну... – Я не сразу смогла ответить, так как меня снова отвлекли его губы. – Если быть как все – не вариант, я, наверное, просто хочу понять как можно больше о том, с чем я живу.

– С чем мы живем, – поправил меня он. – Может, поужинаем сегодня вместе? Ты пока составишь список вопросов, которые хочешь мне задать.

Поужинаем. Сегодня. О господи! Да!

– Я зарезервирую столик в «Телеграфе». У меня там свои люди. В семь?

– У нас будет свидание, – с улыбкой сказал Майкл, поднимаясь. Но улыбка исчезла так же быстро, как и появилась. – Ну, то есть не совсем. В «Песочных часах» не любят, когда сотрудники путают работу и... развлечения.

Я улыбнулась, глядя Майклу в спину, но все веселые бабочки, кружившие у меня в животе, умирали одна за одной и безжизненно падали вниз.

Разумеется.

Глава шестая

По пути домой я зашла в «Телеграф», чтобы зарезервировать столик. Все продолжали называть это место именно так, хотя Томас и пытался придумать новое название для ресторана, но потом сдался. Он даже оставил старую вывеску и кое-какое оборудование в качестве декораций. Получилось очень необычно, повсюду блестящее темное дерево и полированный металл. Красиво, если, конечно, вам вообще такое нравится.

А нравилось, по всей видимости, многим, потому что, если бы не мое положение, заказать столик мне бы не удалось. Я не стеснялась пользоваться своими связями и буквально вынудила девушку записать мое имя в самом верху списка. Свидание, то есть ужин, должно было состояться. Разнервничавшись, я чуть не хихикнула вслух, но сдержалась. Девушка посмотрела на меня краем глаза. Я осознавала, что лишь подкидывала дрова в костер городских сплетен. Ничего, пусть горит.

Уладив вопрос со столиком, я пошла через площадь в лофт, убеждая себя смотреть только под ноги и как бы плыть по течению. И у меня почти получилось, но, когда я шагнула с асфальтированной улицы на залитую бетоном пешеходную дорожку, я прошла сквозь хиппушку из семидесятых с фенечками. Она лопнула и испарилась, как и бывало всегда с временной рябью – теперь я хоть знаю, как это называется.

Я подумала о том, что, может, стоит вообще закрыть глаза и подняться на ощупь, но я не хотела упасть и сломать себе что-нибудь перед таким важным ужином. Войдя в лофт, я услышала тишину и обрадовалась возможности расслабиться и побыть одной.

Мою комнату Дрю отделала незадолго до моего возвращения, и она очень хорошо отражала мой характер. Темно-коричневые стены, всего лишь на несколько тонов светлее эспрессо, выпитого мной за завтраком. Белая мебель с плавными контурами, подчеркнутая мягким коралловым цветом обивки, оживляла комнату, а благодаря продуманно расставленным фотографиям в ней было еще и очень уютно. Между двумя эркерами стояли кожаное кресло и оттоманка. Над кроватью висели картины Джона Уильяма Уотерхауса в красивых

рамах. Прямо по центру располагалась моя любимая «Леди из Шалот». Над комодом Дрю поместила большое зеркало с маленькой лампочкой наверху.

Дрю вошла без стука, и я вздрогнула.

– Извини, Эм. Я не знала, что ты дома. – Она положила на край кровати пушистое оранжевое одеяло – с него еще не были сняты бирки, – а потом вернулась к двери. – Я его только сегодня увидела и подумала, что тебе понравится... укрываться им. Оставляю тебя одну.

– Подожди... Знаешь, не обязательно мне постоянно что-то покупать, – мягко сказала я, сев на кровать и положив одеяло на колени. Я хотела сказать, что Дрю не стоит из-за меня так напрягаться. – Хотя оно мне очень нравится. Спасибо.

Дрю покраснела, ее нежная фарфоровая кожа сегодня светилась ярче, чем обычно. Она обрадовалась тому, что обрадовалась я. Я ей многим была обязана. Она приняла меня в свою семью как суррогатную дочь вскоре после того, как вышла за Томаса, и изо всех сил старалась сделать так, чтобы я в их доме чувствовала себя любимой, когда мне пришлось сюда вернуться. Благодаря ей я не считала себя неудачницей из-за того, что была вынуждена уехать из частной школы: Дрю постоянно напоминала мне о том, что не моя вина, что руководство решило сократить финансирование.

– Ну, – сказала она, усаживаясь в стоящее в углу кожаное кресло, – расскажешь о Майкле? Он вроде бы не такой, как другие, да?

Я старалась держать язык за зубами. Примерно полсекунды.

– Я не могу перестать думать о его губах.

Да, пора бы отремонтировать свой фильтр. Такую откровенность я не планировала. Глаза мои широко распахнулись, лицо вспыхнуло, и я цеплялась за надежду, что Дрю толком не расслышала.

Но тщетно.

– Что? Эмерсон Коул, ничего подобного я от тебя раньше не слышала!

Я прикусила губу, но все равно захихикала. То, что я сказала, было настолько по-человечески нормально... совсем непохоже на меня. Дрю тоже принялась смеяться.

– Ну, – она вытерла глаза рукавом, – я рада это слышать, хотя твой брат, возможно, в восторге не будет. Тебе за последние несколько лет многое пришлось пережить, – сказала она уже серьезно. – Некоторым и за всю жизнь столько бед не выпадает.

Мне совсем не хотелось говорить о прошлом, но в тот день оно постоянно всплывало. Пора было придумать какие-то новые способы от него отгораживаться. Я сбросила кеды и подтянула колени к груди, обняв ноги руками.

– Сегодня мы с Майклом ужинаем вместе.

– У вас же не свидание? – спросила Дрю, высоко вскинув бровь.

Я закатила глаза:

– Если бы. Он подчеркнул, что им в «Песочных часах» не разрешается уделять каким-либо клиентам особое внимание.

Теперь уже Дрю закатила глаза:

– Это я знаю. Томас несколько раз предупредил Майкла на этот счет, прежде чем его нанять. Но... Я же видела, как он на тебя вчера смотрел.

– Я уронила бокал и чуть не потеряла сознание во время открытия. На меня все смотрели.

– Нет, еще до этого.

Я и сама заметила.

Может, он просто был рад найти человека, похожего на него, или высказывание о том, что противоположности притягиваются, чистой воды бред... Не знаю. Я последние годы ото всех скрывалась и ни разу не была на нормальном свидании. Я ходила на встречи, на которых собиралось несколько пар – если кто-то из собравшихся был мне незнаком, чувствовала я себя просто адски, а вот на нормальном свидании никогда не была, и уж точно не на свидании с незнакомцем. Черт! Но не важно, даже если бы я и хотела на него пойти, сегодня у нас не свидание.

– Не свидание, – напомнила я себе вслух. – Это деловой ужин, ему за это платят. Томас его нанял. Майкл же не сам подошел ко мне познакомиться.

Дрю на меня не смотрела:

– Что наденешь?

У нее буквально руки тряслись от желания помочь мне выбрать наряд.

– Можно на тебя в этом положиться?

Через две минуты она уже вручила мне очередную пару убийственных туфель на высоких каблуках и блестящее платье цвета меди:

– Вот. Так мы подчеркнем твои зеленые глаза. Я сейчас позвоню... Чтобы вам досталось самое лучшее место. К тому же сегодня доставят вино, так что я буду в ресторане. Но клянусь, я буду вести себя так, словно мы с тобой незнакомы. Давай поторопись!

Я так сильно любила Дрю, что позволяла ей мной командовать.

Когда я училась в частной школе, я продала бы душу за такую ванную. Она была просто божественна. Я уже совсем забыла, как мне приходилось обходиться крохотной душевой кабинкой с полиэтиленовой занавесочкой, а иногда даже ждать, когда освободится раковина, чтобы почистить зубы. Я блаженствовала под душем – три головки, и все регулируемые. Полный восторг – после того, как я научилась направлять их так, чтобы не захлебнуться. Мне хотелось поплескаться подольше, но я сдержалась. Хоть душ и доставлял огромное

удовольствие, все же с ожидающим меня ужином ему не сравниться.

Точнее, с тем, кто будет со мной.

Я вышла в комнату, завернутая в полотенце, и села перед Дрю даже прежде, чем она успела меня об этом попросить. Она вооружилась косметикой и различными приспособлениями для укладки волос. Для нее все это было искусством – одевать, подбирать макияж, отделявать дома. С художественным вкусом у нее проблем не было. А я, как никто другой, знала, что она еще и очень заботливая.

Когда Дрю закончила, я надела платье и посмотрела в зеркало. Глаза и вправду выглядели зеленее обычного. Лежавшие на голых плечах волосы казались шелковыми. Дрю нанесла на ключицы и грудь какую-то светящуюся пудру, от которой пахло сахарной ватой, и благодаря ей и отливающему металлом платью я просто заблестела. Макияж переливался нежными цветами, и я вся... сверкала. Как шарик на новогодней елке.

- Ты уверена? – поинтересовалась я.

- Верь мне. – Увидев сомнение в моем взгляде, Дрю добавила: – Нет, я серьезно. Свет в ресторане очень мягкий, почти одни свечи. Ты будешь светиться.

- Пришельцы светятся.

- Не так. Смотри.

Дрю включила маленькую лампу над комодом, выключила верхний свет и убрала с моего лица распрямленные светлые волосы. Я посмотрелась в зеркало. Из него на меня смотрела экстравагантная незнакомка.

- Он подумает, что я слишком ради него стараюсь.

- Он будет тобой только любоваться, думать у него просто не будет времени.

О да, я прямо резко перестала нервничать.

Глава седьмая

В ресторан я пришла пораньше, решив, что мне будет комфортнее, если я появлюсь первая и подожду Майкла. Метрдотель провел меня к уединенному столику для двоих, расположенному в уютном алькове. Освещался он двумя бра цвета металлик. Я чувствовала себя какой-то соблазнительницей и подумала даже о том, чтобы перебраться в другое место, но, заметив направляющегося ко мне Майкла, решила остаться.

Белоснежная рубашка идеально подчеркивала его смуглую кожу. В слаксах цвета хаки с низкой талией его мускулистая фигура смотрелась очень мужественно. В мягком свете ресторана он походил на некоего темного ангела, а глаза его казались почти такими же черными, как и волосы. Майкл встретился со мной взглядом, а потом посмотрел вниз, на шею. Поначалу я чувствовала себя неловко, но он тихонько присвистнул. Тогда мне стало неловко уже по-другому.

– Привет, – выдохнула я. Прозвучало это так, как будто я пыталась симитировать Мэрилин Монро.

Майкл не ответил, лишь улыбнулся и сел за стол. Я уловила аромат его одеколона: легкий, свежий, с ноткой цитруса. Мне захотелось подвинуться к нему поближе.

Я чуть было не прикусила губу, но вспомнила о том, как старательно Дрю накладывала блеск для губ, и остановилась.

– Как провел день?

– Продуктивно, – ответил он, раскладывая на коленях салфетку. – А ты?

– Тоже.

– Я обсудил с Томасом возможность занять один из лофтов в вашем доме. Парень, с которым мы в прошлом году снимали квартиру, переехал, и я предпочту жить один, а не незнамо с кем.

Хорошо, что я еще не успела ничего положить в рот, потому что я бы непременно подавилась. Если бы, например, у меня из носа брызнул бы холодный чай, не очень красиво получилось бы.

– Лофт? В нашем доме? Правда? Здорово. – Я откашлялась. – Значит, ты планируешь обосноваться тут на какое-то время.

– Сколько потребуется. – Майкл внимательно смотрел на меня, задержав взгляд на губах на долю секунды дольше, чем следовало бы.

Я опять еле сдержалась, чтобы не прикусить губу.

Мне вообще огромного труда стоило не думать о том, чтобы впиться в него поцелуем.

– Итак, – начал Майкл, наклоняясь ко мне, – подготовила вопросы?

Пора переходить к делу. У меня в сумочке лежал список, но я не была уверена в том, что стоит его доставать. Нервничая, я протянула руку к розовому бутону, стоящему в вазе на столе:

– Я думала о вчерашнем. Мои видения набирают обороты. Это было целое трио! Да еще и с роялем! У тебя тоже ухудшения наступали постепенно?

Он немного помолчал.

– Я не могу объяснить того, что ты видела вчера. Подобные декорации для меня тоже в новинку. Но я бы не беспокоился из-за этого. Полагаю, это связано с тем, что с возрастом наши способности усиливаются.

– Ты полагаешь? Очень утешает. – Я рассмеялась, не веря своим ушам. – Ты это серьезно? Не волноваться, когда ты даже на первый мой вопрос как следует ответить не можешь?

Майкл смотрел на что-то позади меня. Голос его звучал твердо:

– Я найду ответ. Не волнуйся.

– Хорошо, – сказала я, хотя мое любопытство уже сменилось неуверенностью. – Бывало так, что кто-то из рябчиков что-то о тебе знал?

– Ты о чем? – Майкл снова посмотрел на меня.

– Ну, имя, например, или... – Я смолкла. Может, не стоит ему об этом случае рассказывать? Я постаралась припомнить другие вопросы из списка. – М-м-м, когда ты видишь рябчика, как правильно к нему подходить?

– Потихоньку. – Майкл ухмыльнулся, разряжая обстановку.

Я все еще крутила в руках розу. Его улыбка привела меня в смущение, я опрокинула вазу и пролила воду на стол.

Хорошо, что это не свидание. Иначе я бы смутилась.

Мы оба одновременно протянули руки к вазе, коснувшись друг друга. От пальцев Майкла к моим пробежал электрический импульс. Мне вдруг стало тесно в собственной коже, страстно захотелось увеличить контактную поверхность. В это же время я услышала какой-то писк, и вокруг потемнело.

Очень, очень странно.

Я медленно подняла взгляд на Майкла. Его лицо было напряжено, и совершенно нельзя было понять, о чем он думает. Смутившись, а может, испугавшись, я убрала руку. Но я все еще чувствовала силу тока, пронзившего меня насквозь. Освещение вернулось в норму.

Я поклясться была готова, что вся дрожу. Майкл убрал руку под стол и опустил взгляд на меню.

– М-м-м... Что это было? – снова выдохнула я. Вода впиталась в белую скатерть.

– Это сложно объяснить.

Значит, не померещилось.

– Это мы сделали?

Майкл кивнул. Лицо у него было такое же выразительное, как у игрока в покер.

– С тобой такое уже было?

– По большому счету, нет.

К нам подошла официантка. Но напряжения ее появление не рассеяло. Мне хотелось, чтобы она поскорее ушла и можно было снова дотронуться до Майкла. Я закрыла меню в надежде, что мое тело вскоре вернется в нормальное состояние. Майкл заказал блюдо дня, и я попросила то же самое, даже не выяснив, что это было.

– Сейчас подам, – пообещала официантка, забирая у нас меню. Она посмотрела на висевшие над столом бра, поджав соблазнительные розовые губки. – И принесу вам свечу... Как-то тут темновато, согласны?

Ни я, ни Майкл не ответили, и она ушла. За меню я прятаться больше не могла и чувствовала себя слишком уязвимой.

– Мы будем говорить о... о том... что только что случилось? – поинтересовалась я.

– Ты согласишься мне, если я скажу, что пока этот вопрос лучше отложить?

– А выбор у меня есть?

– Наверное, нет. – Уголки губ Майкла чуть приподнялись, обозначив улыбку, но взгляд его был очень серьезный. – Задавай, наверное, остальные вопросы.

– Как насчет «что за фигня только что произошла»?

Лицо его окаменело – Майкл был намерен пресечь любой разговор на эту тему.

– Отлично. – Я попыталась ухватиться за какую-нибудь из мельтешащих у меня в голове мыслей, чтобы сказать хоть что-то. Но не получалось, так что пришлось

достать список. Развернув листок, я положила его на столе перед собой. – Как отличать рябь от настоящих людей?

– Ты не хочешь бить их всех в живот?

Я покраснела, но не потому, что я ударила Майкла, а потому, что вспомнила, какие у него на животе кубики.

– Меня интересуют другие способы.

– Они могут проходить сквозь материальные объекты. – Майкл постучал пальцем по губам. – А еще я... ну... я так давно их вижу, что уже нутром чувствую.

Да уж, это было бы полезно.

– А что сделать, чтобы они исчезли? – задала я следующий вопрос по списку. – Не совсем, а когда видишь кого-нибудь прямо у себя на пути, например?

– Я стараюсь не обращать на них внимание. Я теперь знаю, что это такое, и мне проще их избегать, но если почему-то хочется, чтобы конкретный человек исчез, я просто до него дотрагиваюсь. Хотя дотрагиваться там не до чего. А у тебя какие способы?

Я вздохнула, не в состоянии отвести взгляд от пальцев Майкла. И думала лишь о том, как хорошо было бы, если бы он снова до меня дотронулся.

Подали еду, которая отвлекла меня от этих мыслей. Я убрала список в сумку. Почувствовав запах, я захотела есть, это был глазированный в чем-то лосось и приготовленная на гриле спаржа. Майкл поклевал чуть-чуть и отодвинул тарелку в сторону. Он поставил локти на стол, сплел пальцы, подняв указательные вверх, и сказал:

– Со временем ладить с рябью становится проще. Ведь тебе уже, наверное, стало? С тех пор, как ты увидела их впервые?

Проще?

- Наверное.

- С чего у тебя все это началось?

Я вдруг как-то сникла и принялась гонять по тарелке кусочек спаржи.

- Что ты обо мне знаешь?

- Томас кое-что рассказал - о том, что ты начала видеть мертвых людей незадолго до того, как погибли ваши родители. И что дома, в которых он работает, провоцируют эти видения.

- А еще?

Майкл сделал большой глоток холодного чая, а потом заговорил, похоже, очень внимательно выбирая слова:

- Он сказал, что тебе многое пришлось пережить.

Я уставилась в тарелку, мне было слишком неловко, и смотреть на него я не могла.

- Он рассказывал о том, что я лежала в больнице?

- Да. Но не уточнил почему. Я сказала, что будет лучше, если об этом мне поведаешь ты сама. - Майкл говорил тихо, его голос успокаивал.

- Из-за депрессии. По большей части. - Не поднимая глаз, я схватила оставшуюся булочку и принялась отрывать от нее маленькие кусочки. - Я начала видеть рябчиков. Вскоре после этого мои мама с папой... умерли. И я слетела с катушек. Выглядело это ужасно. Меня положили в больницу и пичкали там лекарствами. Очень усердно. После чего все исчезло. Не только мои видения, то есть рябчики, но и моя личность, все желания... все пропало. От меня осталась лишь раковина...

И даже меньше, чем раковина.

– Какое-то время мне даже нравилась это пустота. Боль исчезла. Но шло время, и я как бы начала слышать собственный голос – он был очень далеким и просил разрешения вернуться. – Я принялась разламывать булочку на еще более мелкие кусочки. – После того как я вышла из больницы и уехала в частную школу, я нашла терапевта, Алисию. То, что я могла с кем-то поговорить, рассказать кому-то все, очень мне помогало...

Ну, почти все.

– В прошлое Рождество я перестала принимать таблетки. – Невероятно, что я призналась в этом Майклу, но слова так и лились из меня. Меня заставлял говорить его взгляд – Майкл смотрел на меня внимательно, без осуждения. – Томас с Дрю не в курсе. Я не хочу, чтобы они за меня волновались, а они обязательно начнут беспокоиться, если узнают, что я «отказалась от химии».

– Оставь ты булочку в покое. Или ты хочешь крошки на дорогу сыпать, чтобы потом вернуться домой? – В голосе Майкла слышалось едва скрываемое волнение. Мое сердце бешено заколотилось.

Я бросила на тарелку оставшийся кусочек хлеба и, скрестив руки на груди, продолжила:

– Когда воздействие лекарств прекратилось, вернулись видения. Но за последний семестр это случилось всего несколько раз. В начале лета я видела рябчика дома у моей подруги Лили. А вчера я встретила и южную красотку в кринолине, и мужчину у нас в гостиной, а вечером...

– Джаз-банд, я помню. – Майкл покрутил серебряное кольцо на пальце. – Ты рада, что слезла с лекарств?

– Было просто ужасно. Мне казалось, что у меня нет контроля над ситуацией, хотя не многие психи могут похвастаться его наличием.

– Прекрати. – Майкл произнес это тихо, но приказным тоном. – Ты не псих. Эмерсон, то, что ты видишь, реально. Это нормальное явление, и ты нормальная. То, что ты пережила, было ужасно – я имею в виду потерю родителей...

И потерю рассудка.

– Я лишь хочу сказать... не будь так строга к себе. – Он протянул руку, будто хотел дотронуться до меня, но потом отвел ее. – Расслабься.

От его слов на душе стало легче. Не только от того, что он сказал, но и от того, как он это сделал – словно не принимая отказа. Волнение отступило, и это доставляло такое удовольствие. У меня выступили слезы.

– Черт! Я не плакса, клянусь. Я никогда не плачу. Я это ненавижу. – Я вытерла глаза салфеткой, не дав ни одной слезинке упасть.

Майкл подозвал официантку и попросил счет, давая мне время прийти в себя.

– За счет заведения, – весело ответила девушка, бросила взгляд на меня, а потом нерешительно улыбнулась Майклу.

– Спасибо. – Он тоже ей улыбнулся.

Когда она ушла, он положил на стол двадцатку.

Щедрые чаевые. Это говорит о хорошем характере.

Через несколько секунд я снова посмотрела на него.

– Спасибо.

Майкл кивнул. Он понял, что благодарю я его не за ужин.

– Ну что, идем к тебе?

Глава восьмая

На какое-то время я оторопела.

А Майкл и не старался сдерживать свою ехидную улыбку:

- Покажешь мне лофты?

- А, да, точно, лофты. Хорошо. Лофты. Идем? - Я почувствовала, как мои щеки стали пунцовыми.

Мы пошли через весь ресторан по направлению к бару, Майкл неожиданно коснулся моей поясницы - по сравнению с местом прикосновения казалось, что все остальное тело заледенело. Я краем глаза посмотрела на него. Он убрал руку в карман.

В баре Дрю пересчитывала бутылки с вином, а бармен раскладывал их на тиковую полку.

- Дрю? Майкл хочет посмотреть лофты. Можно ключ?

- Конечно.

Она достала связку, сняла с нее ключ, подходящий ко всем замкам, и отдала его мне. Дрю поспешно переводила взгляд с одного из нас на другого, в нем читалось удивление, даже беспокойство.

Я уверена, она заметила, что безупречно наложенный ей макияж размазался.

Через городскую площадь мы шли молча. Эмоции накалились до предела, меня словно вывернуло наизнанку, но меня это не пугало. Пока я показывала Майклу лофты, то ясно слышала, как между нами гудел электрический ток, мои чувства были на пределе. Несмотря на такую яркость переживаний, я заметила и кое-что новенькое. Впервые за долгое время я почувствовала себя... в безопасности.

Мы вышли в коридор, и я закрыла дверь последнего лофта, а потом повернулась к Майклу.

- Мне они оба понравились. Томас с Дрю могут сами выбрать.

Покачиваясь на пятках, он посмотрел на меня. Наши взгляды встретились на несколько секунд, которые показались мне часами, и Майкл протянул ко мне руку – наши пальцы разделяли всего несколько сантиметров.

– Ты уверен? – тихонько прошептала я.

– Оно не исчезнет, – также шепотом ответил Майкл. – Может, лучше к этому привыкнуть.

Подготовившись к удару током, я подала ему руку.

Это оказалось приятнее, чем по воспоминаниям.

Хорошо, что свет в коридоре был неярко. Когда лампы мерцали, я не знала, куда отвести взгляд.

Майкл, казалось, был охвачен какой-то внутренней борьбой, на его лице читалась нерешительность. Я задрожала. Теперь электрический ток просто тихонько гудел, но все равно от нас так искрило, что мы, наверное, могли бы осветить все Южное полушарие.

– Прости, – тихо сказал Майкл. Его голос был полон раскаяния.

Я держала его за руку – она была теплой.

– За что? Ощущения непривычные, но ничего страшного я в этом не вижу.

В целом. Когда у тебя все тело накаляется, как электропровод, от контакта с парнем, с которым ты только что познакомилась, это не менее странно, чем встречи с мертвецами. Но зато куда приятнее.

– Не за то, что... дотронулся до тебя. А за эту ситуацию с рябью. Очень жаль, что тебе пришлось разбираться с этим самой.

– Спасибо, но я привыкла к самостоятельности. – Осторожно высвободив руку, я сделала шаг назад, медленно, так, как была не совсем уверена, что ноги не

подогнуться и я не упаду.

– Не забывай, что моя задача – помогать тебе. – Майкл опустил руку. – И я собираюсь быть рядом, пока ты не попросишь меня уйти.

Или пока мой брат не перестанет ему платить.

– Мне, наверное, – я показала на свою дверь, – пора. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Проводив Майкла взглядом, я взялась за дверную ручку, стараясь не упасть, и почувствовала, как связующая нас нить дотянулась уже до входной двери.

Открыв дверь ключом, подойдя к ко всем замкам, я положила его на холодный мраморный стол на кухне.

Я собиралась быстренько принять душ, чтобы смыть блестки с рук и груди, но теплая вода и тишина соблазнили меня. Я долго пробыла в ванной. Вышла вся розовая и со сморщенными пальцами. Я надела пижаму, откинула одеяло и провела рукой по белоснежным простыням – ткань была плотной и очень приятной на ощупь.

Потом я посмотрела на фотографии, стоявшие на тумбочке. На одной из них были Томас с Дрю, загорелые и улыбающиеся, а на другой – я сама. С пустым, отсутствующим взглядом. Это мы все вместе ездили куда-то отдыхать после смерти родителей: брат хотел, чтобы я отвлеклась от грустных мыслей. Мы много путешествовали, от Диснейленда до Багамских островов, но мне это не помогало.

Еще на одном снимке были наши родители, запечатленные в их последнее Рождество. Я взяла тяжелую серебряную рамку и вгляделась в знакомые лица – родителей я больше никогда не увижу, разве что в качестве ряби. Даже не знаю, боялась я этого или хотела.

Сегодняшний разговор погрузил меня в прошлое. Время наложило швы на огромную рану в душе, образовавшуюся после смерти родителей, но, затронув

эту тему с Майклом, я ее снова разбередила. Взгляд на фотографию – и рана начала кровоточить.

Я еще никогда ни с кем не была так откровенна, как сегодня с Майклом. С ним я чувствовала себя в безопасности и могла быть самой собой – несчастной, встревоженной, неполноценной, хотя он сам представлял собой полную мне противоположность. Цельный, без изъянов, совершенный.

И абсолютно недоступный.

Я снова посмотрела на фотографию, погладила мамино лицо и подумала, что, если бы она сейчас была жива, я пришла бы к ней в комнату, свернулась калачиком у нее на кровати и попросила у нее совета.

Но вместо этого я легла в свою постель, выключила ночник и прижала фотографию к сердцу.

Прямо перед тем, как я заснула, мне показалось, что в комнате кто-то есть, но я была уже настолько охвачена дремой, что не могла отличить сон от реальности. Я совсем не понимала, ради чего за меня волноваться человеку, который давным-давно умер.

Но Джек, севший у меня в ногах, смотрел на меня с большим участием.

Я моргнула, и он исчез.

Глава девятая

Проснувшись на следующее утро, я почувствовала себя совершенно беззащитной, как будто я почему-то осталась без своей привычной брони. Пропал сарказм, защищавший меня и делавший мое существование комфортным. Мне хотелось любым путем справиться с тем, что я узнала за недавнее время. Что мне нужно, так это спарринг с Томасом. Это надежный способ привести себя в чувства. Препираться с ним – это все равно что размахивать нунчаками, и я наверняка снова стану самой собой.

Брат сидел за кухонным столом, закинув на плечо шелковый галстук, и спокойно завтракал. Сколько я себя помню, по утрам он всегда ел одно и то же: рисовые хлопья с фруктовым вкусом. В кухне стоял сладкий запах, тело Томаса насыщалось красителями и консервантами. Хороший повод начать свою игру.

– Здоровый завтрак солидного предпринимателя вдохновляет. – Я направилась к брату: хотелось опустить его галстук в чашку. – Будущее экономики нашего городка зависит от того, не понизится ли у тебя сахар в крови, прежде чем ты успеешь слопать свои хохошечки и юхушечки.

Рука Томаса метнулась и схватила меня за запястье – добраться до его галстука я не успела.

– Доброе утро, сестренка. Надеюсь, мы сердимся не из-за того, что нас на ночь не поцеловали?

Чтобы позлить брата, я взъерошила его ухоженные светлые волосы:

– А откуда ты знаешь, поцеловали меня или нет?

– У нас тут отличная система наблюдения. Охранники, камеры, разные программы установлены... – Томас повернул меня к себе лицом. – Чтобы я был уверен в том, что не случится того, чего не должно случиться. Ваши отношения должны оставаться строго профессиональными.

– Ты за нами следишь? Войны хочешь? – спросила я, выдергивая руку. Чашка с хлопьями стояла так близко, что чуть не стала орудием убийства. – Чего страшного, если мы сбежим в Вегас и поженимся – тебе же главное, чтобы он помог мне стать «нормальной», так?

– У нас с Майклом уговор. Никаких отношений между работником и клиентом. Я его нанял, и я хочу, чтобы он делал дело. Все вполне серьезно, Эм.

У меня задергалась верхняя губа, и я чуть не расплакалась. Что со мной не так? Я планировала излить весь свой негатив на Томаса, но его спасла вбежавшая в кухню Дрю – она чем-то размахивала и кричала.

Брат подскочил со стула, забыв о своих хлопьях, и схватил жену на руки. Она плакала и смеялась, и я не поняла ни слова из их разговора.

– Томас, отпусти!

Крепко чмокнув мужа, Дрю принялась извиваться, пока он аккуратненько не поставил ее на пол. Наконец я поняла, что было у нее в руке.

Тест на беременность.

Когда до меня дошло, меня охватили разнообразные чувства. Благодарность судьбе, поскольку я знала, как давно они этого хотели. Радость – ведь это было наиболее желанное пополнение семейства из всех возможных. И наконец, почти никогда не оставляющее меня беспокойство – где же буду жить я, когда у них появится свой ребенок?

Наверное, Дрю заметила мое волнение и крепко обняла меня:

– Не беспокойся! Мы как раз поэтому и не спешили сдавать третий лофт – на случай, если самим понадобится больше места. Хотя мы и боялись очередного разочарования – мы ведь ждем этого уже несколько лет, но все же... Тетя Эм далеко от нас не уедет. Только если сама не пожелает.

– Нет! Нет, я хочу остаться с вами. – Я говорила искренне. – Пока не выгоните.

– Мы хотели бы, чтобы ты осталась с нами.

Томас взял меня за руку и поспешно ее сжал. Давно я не видела его таким счастливым. И по тому, как он смотрел на Дрю, я поняла, что сейчас мне лучше исчезнуть.

– Я пойду пробежусь, оставлю вас наедине... мм... обсудить, в какой цветовой гамме отделать детскую. Поздравляю. Вы будете отличными родителями.

Я поспешно убежала в свою комнату, к глазам подступали слезы, угрожавшие разрушить мой имидж циника. Я быстренько надела спортивный бюстгальтер и шорты, схватила резинку для волос, кроссовки и айпод. Когда я прошла через

гостиную к входной двери, Дрю с Томасом нигде не было видно. По тому, что дверь в их комнату оказалась закрытой, я поняла, что они решили отметить это событие именно так, как я и предполагала.

Хорошо, что я бегаю на большие дистанции.

Я врубила музыку погромче в надежде, что классический рок поможет отключить мозг. Я хотела лишь бежать и дышать, ни о чем не думая. Погода стояла отличная – конец лета; уже начавшие желтеть листья легонько трепетали на ветру. Мне так хотелось, чтобы они поскорее окрасились в желтый и красный цвет и чтобы в витринах магазинов появились огромные оранжевые тыквы и хризантемы с приятным ароматом.

Интересно, будет ли Майкл еще рядом.

На улицах было полно народу – люди гуляли с собаками, катали коляски, кто-то бегал, как и я. Я выбрала пешеходную дорожку, ведущую к парку Ривербенд, проложенную для местных жителей и туристов одним человеком, который приходился мне родственником. Бежала я не быстро.

В нашем городке очень многое было сделано Томасом и Дрю. Они познакомились, когда брат ушел из престижной архитектурной компании, поставив перед собой задачу реконструировать центр Айви Спрингс. Дрю тогда только начинала работать в области дизайна и была назначена консультантом. Поначалу их отношения были строго профессиональными, но вскоре положение изменилось. Они поженились за шесть месяцев до смерти наших родителей.

Я страшно обожала их обоих – и знала, что они ко мне относятся так же. И меня глодало чувство вины за то, что я не была с ними откровенна по поводу лекарств. Но я действительно не хотела, чтобы брат и его жена волновались, а теперь у них еще должен появиться малыш... вот так. Им надо заниматься своими делами, хотя, похоже, Томас решил взять на себя бразды правления моей личной жизнью. Хотя теперь он, может быть, займется выбором имени для своего будущего ребенка и начнет зарабатывать деньги на его образование, а меня оставит в покое. Прибавив скорость, я мчалась по дорожке, опустив взгляд, чтобы избежать случайных встреч.

И вдруг я налетела на твердую стену мышц и сильно ударилась, клацнув зубами. Я отпрыгнула подальше и сжала кулаки, защищая лицо от нападающего.

Майкл.

Крик застрял в горле, я резко вынула из ушей наушники.

– Какого... нельзя так людей пугать!

У Майкла удивленно округлились губы, а потом он согнулся от хохота. Я сердито смотрела на него сверху вниз и в то же время не могла сдержать восхищения его мускулистым загорелым телом. Когда Майкл поднял глаза на меня, в его взгляде читался определенный интерес. Я пожалела, что надела один бюстгальтер, без майки, и скрестила руки на груди, стараясь сделать вид, что я обиделась, а не застеснялась.

Майкл попробовал сделать серьезное лицо. Немного покорчив рожи, он вздохнул:

– Извини. Так на тебя наскочить было, наверное, не очень умно.

– Все нормально, – сказала я, хотя так не считала.

– Просто я не ожидал, что ты сразу примешь стойку, как ниндзя. – Майкл сдался и снова принялся хохотать.

Я уже пожалела о том, что не успела как следует врезать, прежде чем поняла, кто это. Я постояла еще немного, а потом побежала дальше.

Он отреагировал не сразу, однако вскоре догнал меня. Ему такой темп наверняка давался непросто, так как у него ноги были куда длиннее, чем у меня, но меня это не заботило. Он это заслужил. Какое-то время мы бежали молча, а потом я украдкой бросила на него взгляд. Майкл так и продолжал смеяться. Тогда я резко остановилась, и он пролетел дальше.

Резко развернувшись, он зажал рукой рот. Ему следовало бы еще закрыть другой глаза, потому что они все равно выдавали его с головой.

– Прекрати, Майкл.

Он протянул ко мне руку, обхватил меня за шею и прижал к себе. Я уже ждала, что он грубо взъерошит мне волосы, и в то же время старалась не слишком отдаваться чувствам.

– Я прошу прощения, – сказал он, но и по голосу я понимала, что он улыбается. – Серьезно. Просто ты чертовски милая.

– А ты чертовски потный, – сказала я, бросив на него взгляд искоса.

Может, дело было в том, что мы стояли, прижавшись друг к другу, или в том, что Майкл приобнял меня, но мы оба обливались потом и никак не могли отдышаться. Я вся горела, как на сковороде в аду, но как только наши глаза встретились, меня пронзил такой холод, что я содрогнулась. В течение секунды, кажущейся бесконечной, мы пристально смотрели друг на друга, а потом Майкл отпустил меня и даже легонько оттолкнул.

– Мир? – поспешно спросил он, протягивая руку.

Я постаралась восстановить дыхание и прогнать мурашки. Совладав наконец с собой, я мило улыбнулась и подала ему руку.

И перебросила его через плечо.

Майкл лежал на дорожке и тяжело дышал, а я подошла поближе и встала над ним, все еще улыбаясь:

– Ну что, до встречи?

Он моргнул один раз. Я расценила это как положительный ответ.

Глава десятая

Когда я вернулась домой, Томаса с Дрю там уже не было. Чувствовала я себя превосходно. Я обрела былую жесткость. Поразительно, насколько девушке бывает полезно перебросить мужика через плечо.

Приняв душ, я взяла ноутбук Дрю и устроилась в уютном кресле в своей комнате, наслаждаясь свежим запахом кожи. Хорошо, что я расположилась удобно – на поиск у меня ушел почти целый час. Я уже было собиралась все бросить, но тут вдруг на сайте «Беннет ревью» наткнулась на рекламку какой-то стипендии от основателя «Песочных часов», Лайема Балларда. Я попробовала поискать по этому имени.

И успешно.

Я разогнула спину, поставила ноутбук на диван и наклонилась к экрану, чтобы получше видеть. Кликнув по первой ссылке, я увидела огромную фотку заброшенного здания с подписью: «Пожар в лаборатории – ни на один вопрос нет ответов».

В статье обсуждалась смерть Лайема Балларда, ученого, погибшего при пожаре в его лаборатории. В ходе расследования не было найдено следов ни каких-либо горючих веществ, ни катализаторов. Незадолго до несчастного случая в здании побывала пожарная инспекция. От огня не пострадал ни его дом, ни расположенные рядом надворные строения. Других жертв не было.

Пока я читала, у меня мурашки бежали по коже. Расследование длилось довольно долго, но потом дело все же закрыли за недостатком улик. Причина возникновения пожара так и не была выявлена.

Вдруг в дверь постучали, и я подпрыгнула чуть не до потолка.

Я перешла на страницу с результатами поиска и побежала к двери, бросив быстрый взгляд в зеркало. Открыв дверь, я увидела Майкла – он стоял передо мной с робким видом и букетом благоухающих розовых цинний.

– Приношу свои извинения, – сказал он, протягивая цветы. – Ты должна рассказать, как ты это сделала. И поскорее.

Я взяла цветы, и наши пальцы снова соприкоснулись. Их опять обожгло, и я быстро отдернула руку.

- Может, расскажу, а может, и нет...

Я весело посмотрела на Майкла, а потом повернулась на пятках и направилась в кухню. Хорошо, что он в этот момент не видел моего лица, потому что я покраснела. И поскольку я все равно была повернута к нему спиной, я уткнулась носом в букет и вдохнула его сладкий аромат, стараясь запомнить этот запах навсегда: впервые парень подарил мне цветы.

- Тут просто здорово, - сказал Майкл.

Он шел за мной по пятам, я слышала, как гулко звучали его шаги на паркете.

- Спасибо. У Дрю превосходный вкус. Она обожает свои проекты. Теперь у них с Томасом появился еще один. - Я изобразила жестом живот, а потом взяла с полки хрустальную вазу и направилась к крану. Как хорошо, что мне было чем занять руки.

- Передавай мои поздравления. - Майкл оперся спиной о столешницу рядом с раковиной. Он пристально смотрел на меня. - Это же отличные новости, они ведь, похоже, так любят друг друга.

- Да, им очень повезло, что они встретились, - ответила я, взглянув на Майкла.

- Ага.

Какое-то время мы молчали. В вазу набиралась вода, а мы смотрели друг на друга.

Я первая отвела взгляд - не хотелось, чтобы вода перелилась через край.

- А еще я должна сообщить тебе, что ты можешь занять лофт номер два. Но будет недешево. Надеюсь, я буду хоть как-то окупаться.

- С тобой я бы работал и на общественных началах.

– Со мной?

Я прикусила губу, закрыла кран и только потом снова посмотрела на своего гостя.

– Ты особенная.

– Это смотря что ты вкладываешь в это понятие.

В ответ Майкл делано улыбнулся. На пару секунд я снова уставилась на его губы, потом мысленно ущипнула себя и как-то небрежно сунула в вазу букет.

– Спасибо еще раз. Это мои любимые цветы, – сказала я, откашлявшись.

Дважды.

– Я рад, что тебе понравилось, – ответил Майкл, и его улыбка стала нежнее. – Увидев их, я подумал о тебе.

Я опять уставилась на его губы.

Бог ты мой!

Я взяла вазу с цветами, а Майкл пошел за мной в комнату и сел в кресло, в котором только что сидела я. Я освободила место на комодe, и тут он обратился ко мне по имени:

– Эмерсон?

– А? – рассеянно ответила я, переставляя благоухающие цветы так, чтобы те, что подлиннее, оказались сзади.

– Зачем тебе понадобилось искать информацию о Лайеме Балларде? – Майкл сказал это таким тоном, что у меня холодок по спине пробежал.

Я перестала расставлять цветы и настороженно ответила, глядя на него в зеркало:

- Потому что он основатель «Песочных часов».

Может, Майкл повредился рассудком, когда я бросила его через плечо. Он резко изменился в лице – как только я произнесла словосочетание «Песочные часы», его озабоченность мгновенно сменилась злобой.

- Майкл? – Я повернулась к нему. Смотреть прямо на него оказалось не менее страшно, чем на его отражение в зеркале: карие глаза стали почти черными, а полные губы вытянулись в тонкую полоску. – Что...

Но он перебил меня:

- Как ты узнала, что его так звали?

- В статье, посвященной «Песочным часам»...

- А что еще ты нашла? – Голос был холоден, и вопрос прозвучал больше как обвинение.

Такой Майкл был мне незнаком. И он мне не нравился.

- Что он... – я сделала паузу, чтобы голос не сорвался, – погиб при пожаре.

Майкл встал и в несколько шагов пересек комнату. Я неуверенно отошла назад и больно уперлась позвоночником в ручки комода.

Потом Майкл сказал, четко выговаривая слова и глядя мне прямо в глаза:

- Не лезла бы ты не в свое дело.

У меня образовался огромный ком в горле, и я тяжело сглотнула.

- Похоже на угрозу, – прошептала я.

– Это предупреждение. – Майкл сжал мои плечи. Я обрадовалась, что на мне майка, а не обтягивающий топик. Касаться его голой кожей в такой ситуации не хотелось бы. – Забудь про Лайема Балларда.

– Почему? – спросила я, не дыша. Я чувствовала себя как в клетке, его руки и пристальный взгляд не давали мне возможности пошевелиться.

– Просто забудь, – ответил Майкл безапелляционно, в его голосе звучал металл. – С «Песочными часами» я сам разберусь. Поверь мне.

– Простите, босс, – сказала я; мой испуг сменился злостью. – Я, как правило, не доверяю людям, которым приходится приказывать мне верить им.

– В этот раз надо бы.

Майкл не двигался, он придвинул свое лицо ко мне чуть не вплотную. Темно-карие глаза с золотистыми вкраплениями. Безупречная кожа, гладкая, крохотную щетину я бы и не заметила, если бы он не приблизился ко мне настолько. Вообще интересная была бы поза, если бы меня так безумно не трясло.

– Эмерсон? – На этот раз обращение прозвучало как мольба.

– Хорошо, – сказала я, стиснув зубы и приняв решение. – А теперь отойди.

Майкл отстранился, продолжая внимательно смотреть мне в лицо. Я все думала, мог ли он по вздувшимся на шее венам определить, как бешено колотится у меня сердце. Я чувствовала, как они пульсировали. Мне надо было подумать, а в условиях такой близости это оказалось невозможно.

– Прошу тебя, не пойми меня неправильно... Я лишь пытаюсь... – Все еще касаясь пальцами края комода, Майкл закрыл глаза, старательно подбирая слова.

Я увидела возможность сбежать и нырнула под его руку, в кои-то веки обрадовавшись тому, что я такая невысокая.

- Что пытаешься? Запугать меня? Вывести из себя?

- Ни то ни другое. Я не хотел... - Майкл оттолкнулся от комода и повернулся ко мне. - Мне так...

- Прекрати, - оборвала его я. - Хотел ты или нет, ты это сделал. Теперь, полагаю, тебе лучше уйти.

Выслушивать извинения я не желала. Я лишь хотела, чтобы он убрался.

Наши взгляды снова встретились, и в воздухе повисли невысказанные слова. Эмоции на лице Майкла пришли в противоречие - линия губ выдавала злобу, а глаза были полны раскаяния.

- Что-то еще? - спросила я и затаила дыхание.

Майкл покачал головой и молча вышел из комнаты.

Входная дверь закрылась, и только тогда я с облегчением выдохнула.

Глава одиннадцатая

На следующий день Майкл поселился в соседнем лофте.

Я слышала, как он переставляет мебель. Звукоизоляция в доме была хорошая, но на улице стояла такая чудесная солнечная погода, что мы оба открыли окна. Дрю выделила ему лофт, у которого была общая стена с моей спальней.

Прекрасно. Представляю себе, как я буду спать, зная, что Майкл лежит буквально рядом со мной. Хотя он вчера меня и взбесил, влечение к нему не пропало.

Я была такой идиоткой.

Из комнаты Майкла доносились голос и гитара Джона Ли Хукера. У нас столько общего – я тоже люблю блюз. Я села на кровать, слушая музыку и глядя на пол – на нем танцевали тени от листьев дуба, росшего напротив моего окна. Солнечные пятна формировали причудливые узоры. День выдался отличный, здорово было бы пойти на озеро и насладиться последним осенним теплом, пока не настали холода. Так делали все нормальные подростки. Но поскольку я давно перестала быть нормальной, я сидела дома, в плену собственных мыслей.

Хотя я и пообещала Майклу не лезть не в свое дело, мне очень хотелось поискать еще чего-нибудь на тему «Песочных часов». Лайем Баллард погиб при таинственных обстоятельствах, а Майкл не хотел, чтобы я задавала вопросы на эту тему. Почему? Что он скрывал?

Я посмотрела на ноутбук Дрю, он все еще стоял на диване и как будто с усмешкой смотрел на меня. Если я его включу и посмотрю на экран, будет ли считаться, что я нарушила обещание?

Я протянула к ноутбуку руку, и передо мной появился Джек. Я чуть не вскрикнула от удивления, но, вспомнив, что окно открыто и Майкл может меня услышать, сдержалась. Поскольку я осталась дома одна и мне было очень одиноко, я подумала, что побеседовать с мертвым – не такая ужасная идея.

– Здравствуй. – Его приветствие и на этот раз прозвучало довольно сдержанно.

– Чё как?

– Чё... как? – переспросил Джек.

– Не бери в голову. – Я направилась к окну и закрыла его. Развернувшись, я оперлась пятой точкой о подоконник. – Я хотела спросить, как поживаешь?

– Кажется, лучше, чем ты.

– Да. – Я глубоко вздохнула. – Но ты особо не обольщайся. Лучше, чем я, это не такое уж и достижение.

– Вот этому я совсем не верю. – Джек убрал руки за спину. – Не наговаривай на себя.

– Это что, шутка, что ли, какая-то? – спросила я. Потом вытянула руки и осмотрела себя снизу доверху.

Джек как-то тревожно запрокинул голову, а потом принялся смеяться, и очень заразительно. Я не удержалась и тоже захохотала.

– Ты такая миниатюрная и кажешься тоненькой, как паутинка. Но мудрая муха знает, что она тонкая, но прочная.

Я вдруг осознала, что Джек хоть и не живой, но все же мужчина и он находится у меня в спальне. И он только что сделал мне лучший в моей жизни комплимент.

– Итак... – я сделала паузу, после которой постаралась говорить потише, – ты появился с какой-то особой целью?

Джек пожал плечами:

– Я хотел воспользоваться возможностью насладиться обществом, пока она у меня есть, если ты, конечно, не находишь мое присутствие назойливым.

Я взвесила его слова и попыталась понять, нахожу ли я его таковым. Если бы Джек был живым, мне бы он показался каким-нибудь маньяком-преследователем. Но поскольку он уже умер, может, он теперь больше похож на ангела-хранителя?

– Нет, все в порядке. – Я села на край кровати, не доверяя больше собственным ногам.

Джек был взрослым мужчиной. И он уже умер. Мне надо было как-то примириться с этим.

– У меня так давно не было возможности с кем-либо поговорить, – сказал Джек настолько сладким голосом, что он мог бы превратить и уксус в сахар, – и как же мне повезло, что первым человеком, который мне встретился, оказалась ты!

Не ангел.

Я еле сдержалась, чтобы не обмахнуть лицо рукой.

– Э-э-э... Спасибо.

– Не за что. – Джек тербил цепочку карманных часов, пытаюсь сдержать улыбку, лишь едва заметно приподнялись уголки его губ.

У меня даже не получалось нормальную светскую беседу с мертвым чуваком поддержать.

– Эм? – Дрю постучала в дверь.

Я подскочила с кровати, будто меня поймали за каким непристойным занятием:

– Да?

– Ты с кем там разговариваешь?

– Ни с кем, я просто... Э-э-э... – Я попятилась от Джека и умудрилась споткнуться об оттоманку. – Я читала вслух.

– Открой. Хочу показать тебе постельное белье, которое я купила для ребенка.

– Разумеется, секунду.

Уставившись на ручку, я поняла, что дверь не заперта. Вообще-то ничего страшного не случилось бы, если бы Дрю вошла – она бы Джека все равно не увидела. Но мысль о том, чтобы говорить с ней, пока он стоит рядом... ну уж нет.

Я поднялась на ноги и повернулась к нему, чтобы попросить его исчезнуть.

Но его уже не было.

Помимо постельного белья Дрю скупила, наверное, всю одежду для младенцев, которая подходила и для мальчиков, и для девочек. Она рассортировала ее по стопкам на их с Томасом огромной кровати с пологом, накрытой покрывалом с розовым кружевом, – кровать оказалась полностью завалена.

– Эмерсон, я хотела перед тобой извиниться, – начала Дрю, складывая крохотную маечку с надписью «МАЙКА-СЛЮНЯЙКА».

– За что?

– За то, что мы с Томасом сбежали от тебя отмечать эту радостную новость – лицо ее стало ярко-красным, как стены в их комнате. У меня вспыхнули щеки, и я тоже, наверное, покраснела. К счастью, из открытого окна дул ветерок, бледные занавески покачивались. Дрю откашлялась и продолжила: – Нам следовало бы быть посдержаннее.

– Ничего страшного, – пробормотала я, опускаясь на колени, чтобы поднять упавший на паркет носочек.

– Нет. Это и твой дом, и я хочу, чтобы тебе здесь было хорошо.

– Мне хорошо. – Я посмотрела на нее с улыбкой. – Вы с Томасом будете отличными родителями. Я знаю, как давно вы... хотели ребеночка.

Дрю погладила живот, и на глазах у нее выступили слезы. Я встала и сосредоточенно принялась искать среди разложенной одежды второй носок. Томас говорил, что речь о детях у них зашла уже во время медового месяца. В открытую это никогда не обсуждалось, но я знала, что долгие годы у них ничего не получалось.

– Знаешь, – сказала Дрю мягко, и голос ее дрогнул, – мы решили назвать ребенка именем кого-то из ваших родителей. Если будет девочка, то Кларисса, а если мальчик, то Шон.

Я не хотела разреветься при ней. Не хотела.

– Они будут счастливы, – прошептала я. – То есть уверена, что они были бы счастливы.

– Значит, ты не против? – спросила Дрю, убрав руку с живота и взяв одеяльце из синели.

– Почему я должна быть против?

Дрю принялась скручивать и раскручивать бахрому на одеяльце.

– У тебя же тоже когда-нибудь появятся дети. Не знаю, может, и тебе захочется... – улыбнулась она.

– У меня? Ни за что, – ответила я, попытавшись рассмеяться, но не смогла. Единственно возможные дети в моей жизни – это племянники, которые будут навещать свою одинокую тетушку, живущую в крохотном домике с тридцатью кошками. А возможно, еще и с мертвецами. Я попыталась улыбнуться, но у меня ничего не вышло. – Не думаю, что когда-нибудь выйду замуж, а уж дети... Хочу я их или нет? Это все... для нормальных людей. Не для таких, как я.

Дрю отложила одеяльце и сжала мою руку, пытаясь подбодрить меня:

– Томас сказал, что ты опять начала их видеть.

– Дурные вести быстро распространяются.

У меня скрутило живот. Я высвободила руку и снова повернулась к кровати, чтобы все-таки найти среди крошечных одежонок скрывающийся от меня носок с желтым цып ленком.

– Может, они не такие уж и дурные. Может, это просто счастливый случай, выпавший в самое нужное время. Томасу всерьез кажется, что Майкл сможет тебе помочь.

– А может, и окажется таким же шарлатаном, как и все остальные. – Или еще хуже. После нашего первого разговора я стала возлагать на него огромные надежды, а теперь я и не знала, что думать. – А как вы его нашли?

Дрю пожала плечами и достала из пакета еще одну стопку детских вещей:

- Тебе лучше спросить об этом у брата. И не надо менять тему.

- Какую тему?

- Мы говорили о твоём будущем. О твоём счастье. - Дрю яростно скомкала пакет из коричневой бумаги и бросила его на пол. - Ты умеешь сострадать, ты одна из самых щедрых женщин, которых я знаю, а значит, ты станешь прекрасной матерью, если только захочешь. Ты многое можешь дать. Не принижай себя, не зарывайся в землю, живи!

Я застыла, выжидая, когда рак на горе отсвистит. Раньше Дрю никогда не кричала.

- Прости. - Она прикрыла рот рукой. - Я не сдержалась. Прости.

- Все в порядке. Я... спасибо. Спасибо тебе за все. - Я замолчала, сжала губы и принялась отчаянно моргать. - Я знаю, что ты будешь великолепной мамой. Потому что ты была как мама и для меня. Спасибо тебе за это.

На этот раз слезы все же пролились. Я схватила майку-слюняйку и прижала ее к груди.

- По-моему, налезет. Побольше у них не было? - Дрю рассмеялась, как я и рассчитывала, и я решила воспользоваться этой возможностью, чтобы сменить тему: - Похоже, ты уже достала все из пакетов. Все ли детские вещи ты сочла подходящими?

Она кивнула, поспешно стряхивая слезы со щек, и снова принялась за дело:

- Поможешь снять бирки, чтобы все можно было постирать?

- Конечно. Я даже не знала, что для детей отдельные моющие средства выпускают. - И я передала Дрю бутылку с изображением спящего младенца.

– Я тоже. – Она рассмеялась. – Еще многое предстоит узнать. Здорово, правда?

– Да.

К тому моменту, как мы закончили, на полу собралась целая гора бирок и крошечных пластиковых вешалок, я захала все это в пустой пакет и отнесла в мусорный контейнер. Отряхнув руки, я побежала вверх по лестнице и уткнулась в мускулистую грудь Майкла, чуть не потеряв равновесие.

Но он не дал мне упасть, схватив меня за плечи. Я поспешно отстранилась. В тот момент даже не хотелось вспоминать о том, что происходит, когда мы касаемся друг друга.

– Привет, – поздоровался он, потом перевел взгляд с моего лица вниз и сунул большие пальцы рук в карманы джинсов.

Я скрестила руки на груди, обошла Майкла и пошла дальше вверх, злясь, что он испортил мне настроение.

– Эмерсон, погоди.

Я слышала, что он шел за мной, отставая на две ступеньки, потом я обернулась и облокотилась на перила. Наши глаза оказались практически на одном уровне.

– Что? – протянула я, стараясь сделать вид, будто мне скучно, но все же в конце мой голос дрогнул.

– Насчет вчерашнего... По поводу «Песочных часов»... Я, к сожалению, не могу объяснить.

– Почему не можешь?

Он потер ладонями лицо:

– Просто не могу.

Я раздраженно фыркнула, снова повернулась и пошла вверх. Майкл попытался схватить меня за руку, но я ее вырвала и резко развернулась к нему.

– Почему? Я не в курсе того, что происходит, поэтому я не должна лезть не в свое дело, так ты сказал? – Моя верхняя губа изогнулась в усмешке.

– Все намного сложнее.

Похоже, эта фраза у него собиралась стать коронной, отчего мне ужасно захотелось двинуть ему по ноге.

– Нет.

– Что?

– Нет. – Руки сжались в кулаки, хотелось уже не просто пнуть Майкла, а как следует отмутузить – я злилась на него, особенно из-за того, что до вчерашнего инцидента в спальне я ему доверяла. – Я буду лезть, куда захочу. Ты появляешься и заявляешь, что понимаешь меня и что я должна тебе доверять. А правду не говоришь.

– Эмерсон, я честен с тобой, насколько это возможно, поверь мне, – сказал он, поднимая руки вверх.

– Быть не полностью честным – это все равно что врать.

– Я не вру, – сказал он. На лбу у него начала пульсировать вена.

– А я думаю, врешь, – с вызовом произнесла я.

– Нет. Но я страшно расстроен.

Майкл протянул ко мне руки, подхватил под локти, развернул и поставил на ноги.

– А кто в этом виноват? – крикнула я, глядя на его удаляющуюся напряженную спину – он пошел наверх. – Не я. Может, тебе все же следует сказать мне о том, чего я, по твоему мнению, не вынесу? Об этом ты не думал?

Но тут хлопнула дверь – я разговаривала с пустотой.

Глава двенадцатая

На следующее утро я зашла в «Закон Мерфи», чтобы выпить немного бодрящего напитка и поболтать с Лили. Как-то я стала регулярно недосыпать, к сожалению. Я даже задумалась о том, чтобы выпить ромашкового чая. Он вроде как успокаивает, а мне это было необходимо.

За прилавком стояла сама Лили. Завидев меня, она озвучила мой стандартный набор:

– Двойной кубанский и самый огромный эмпанадас.

– Ромашковый чай?

– Ага.

Лили не дала мне заплатить, так что я сунула деньги в кувшинчик, предназначенный для чаевых, и направилась к низкому оранжевому креслу у окна. За окном мужчина в штанах цвета хаки и футболке с логотипом ландшафтной компании извлекал цветущие летом однолетние растения из расставленных на улице вазонов. Вместо них он вставлял горшки с анютиными глазками темно-малинового и пурпурного цвета двух разных оттенков. Рядом с ним стоял двойник Дэви Крокета, его ноги растворялись в кашпо. Рябчики не особо хорошо сочетались с объектами этого мира. Я была рада, что Дэви все же выходец из прошлого, а не человек со странной манерой одеваться.

Енотовая шапка – это было бы чересчур.

Наблюдая за ними, я заметила, что на окне кофейни наклеено объявление. Солнце светило так, что мне удалось разглядеть огромные черные буквы: ИЩЕМ ПОМОЩНИКА. Меня услышали на небесах. Я как раз хотела найти работу, чтобы не приходилось брать деньги на мелкие расходы у Томаса, а в самой лучшей кофейне на свете как раз нужен был человек. Неужели у меня появился шанс устроиться сюда, вдыхать аромат эликсира жизни и продавать его?

Лили принесла мне крошечную чашечку с кофе и эмпанадас и грациозно уселась на краешек кресла, стоявшего напротив.

– Почему ты не сказала мне, что у вас открылась вакансия? – спросила я.

Подружка нахмурила брови, и я показала на объявление. Я наблюдала за тем, как Лили пыталась прочесть буквы, которые видела в зеркальном отражении.

– Я и не знала, что Аби решила кого-то взять. Я думала, что она в целях экономии будет эксплуатировать меня до последнего.

– Меня удивляет твоя наблюдательность. Одна из твоих многочисленных суперспособностей. – Лили сердито посмотрела на меня. Мне надо было завоевать ее расположение, так что я решила сменить тему: – Как думаешь, твоя abuela[1 - Бабушка (исп.)] меня возьмет?

– С чего бы ей тебе отказывать. У тебя же кофе в жилах течет вместо крови. Думаю, поэтому ты и не выросла.

Я попыталась найти что-нибудь, чем можно было бы запустить в подружку, но под рукой ничего не оказалось, кроме моей эмпанадас, а от этого лакомства я отказываться не хотела.

– Она тут? – Я попыталась встать с кресла. Но оказалось, что я плотно в нем застряла. – Можно с ней поговорить?

– Она побежала в банк за мелкими деньгами. Да чего ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что, если хочешь, работа твоя. – Лили приподняла свои темные длинные волосы и принялась обмахиваться другой рукой, в которой она держала блокнот для записи заказов. Она была больше похожа на Клеопатру на ладье, чем на

бариста в кофейне. Выглядеть ослепительно красивой для нее было так же естественно, как для других – чистить зубы. – А прямо завтра ты сможешь начать? Мне надо бы передохнуть.

– Если ты высвободишь меня из пасти этого чудовищного кресла, – ответила я, извиваясь и пытаясь на что-нибудь опереться. – Чем вы его кормите? Клиентами?

– Расслабься. – Лили отпустила волосы, и они упали на плечи, а она ухмыльнулась: – Мне нравится быть уверенной в том, что мой собеседник никуда не денется. Как дела у Томаса и Дрю?

Я уже отчаялась встать самостоятельно, так что сделала глоточек кофе и вздохнула от удовольствия. Ходят слухи, что в «Законе Мерфи» подают лучший после Майами Кубано в Штатах – это вид эспрессо, в который сахар добавляется прямо во время варки.

– Лучше, чем я могла себе представить. Они ждут ребенка.

– Ребенка? Здорово, – обрадовалась Лили, но потом склонила голову, сощурила глаза и посмотрела на меня: – Или?

– Здорово. Дрю угрожала домашним арестом, если я попытаюсь от них съехать. Сказала, что в полиции у нее есть знакомые, которые помогут ей раздобыть кандалы для такого случая.

В голосе Лили слышалась тоска. Она откинулась на спинку кресла. Она-то в нем ни за что не застрянет.

– Семья – это очень важно.

Мы с ней обе остались без родителей. Хотя у Лили они были живы, но ее отец работал на правительство, так что ни он, ни мать девушки не могли уехать с Кубы вместе с ней и бабушкой. Если не считать каких-то совершенно далеких кузенов в южной Флориде, у нее родственников было еще меньше, чем у меня.

– А от твоих родителей есть новости? – поинтересовалась я.

– Нет. С прошлого Рождества ничего слышно не было. – Ее взгляд наполнился знакомой мне печалью. Лили быстро сменила тему – она всегда это делала, когда речь заходила о семье. – Ты так и не рассказала мне, что было на открытии ресторана. Давай... – Завязала какие-нибудь отношения?

– Не-а.

Ее взгляд напрямую говорил мне о том, что она мне не поверила.

– Слишком уж быстро ты стала отнекиваться.

– А когда это вы начали продавать кофе собственной марки? – попыталась отвертеться я, указывая на ценник на свежееобжаренные кофейные зерна.

– Прошлой весной. Колись. Сейчас же. – Лили снова села на край кресла и с нетерпением уставилась на меня. – Ты с кем-то познакомилась.

– Ты права. – Подруга знала меня слишком хорошо. И я понимала, что она не отстанет, пока не выпытает все. – Но обсуждать это смысла нет. Он не для меня.

– Почему? – Лили встревоженно откинула назад голову. – Только не говори, что у него есть подруга?

– Таковы условия Томаса – этот парень на нас работает. К тому же он старше меня, хотя всего года на два. Братец считает, что человеку, который уже закончил школу, прямая дорога в дом престарелых. Но когда мы вместе, все просто безумно... – Я не могла как следует описать, что же происходило между нами, поэтому лишь безмолвно размахивала руками в воздухе. Наверное, я могла бы сказать, что мы чуть не закоротили всю электросистему на «Телеграфе», но решила, что об этом лучше умолчать. – Меня так... тянет к нему.

И это до смерти меня пугает.

– Эм, с тобой происходит нечто важное, – тихо сказала Лили. Она знала, насколько мне тяжело строить отношения с другими людьми. – Как ты думаешь, если между вами действительно завяжется что-то серьезное, может, Томас поймет тебя и сделает исключение?

– Я вообще-то даже не знаю, взаимно ли это. К тому же я думаю, что Майкл согласен с политикой Томаса. Это он сказал мне о том, что нельзя смешивать работу с удовольствиями.

– Майкл, – сладострастно произнесла Лили и хихикнула. – Симпатичное имя. Если потребуется, вы можете пойти по стопам Ромео и Джульетты. Держать вашу любовь в тайне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18520706&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Бабушка (исп.).

Купити: <https://telnovel.me/mayra-makentayr/pesochnye-chasy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)